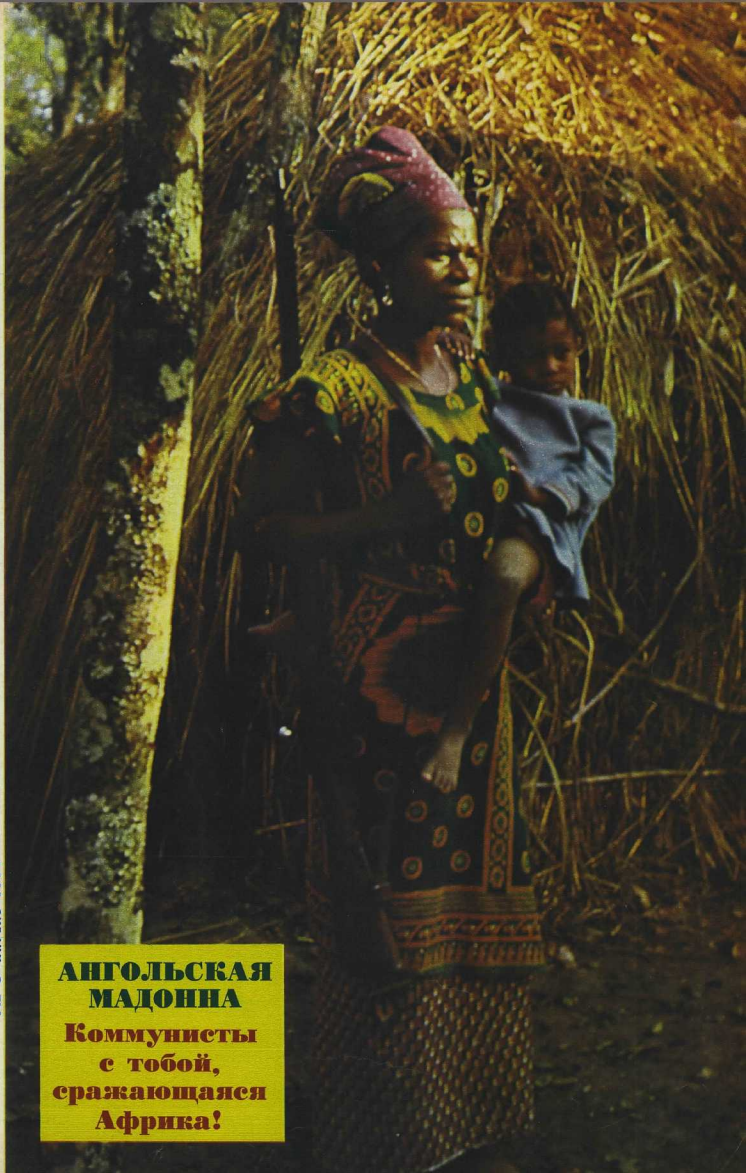

АНГОЛЬСКАЯ МАДОННА

**Коммунисты
с тобой,
сражающаяся
Африка!**

ПАШИ НА ПЕРИ

«И кто вперю в силу мате-
ринской мой любви»

Мария Ульянова
29 марта 1907 г.

ПРОЛОГ

Мне силась мать,
Перрон вокзала.
— Прощай!
Завалил в во сне.
— Поплачь, поплачь,— она сказала,—
Ты мало плакала обо мне...
Я плаваю горячо,
Пославню,
Перрон был нут и
мать — одна,
И было странно,
Было странно,
Что плачу я,
А не она,
Обыкновенно провалила
И плакала она всегда,
И от вокзала до вокзала
Мои летела поезда,
И я не знал силенье пыток,
Страшнее каторги не знал,
Чем путь, ведущий от каменит
На николаевский вокзал.
Шли по Сенной мы с ней сначала,
Шли по Песчаной,
А потом
Рождественская нас встречала,
И каждый дом —
Знакомый дом,
Неперелом и упорно
Слезная всей грудью паровоз,
И отворачивался мама,
Чтоб легче было мне без слез.
Но в зме видял,
Петрославский,
И ждал:
Ударь, звонок, скорей!
Омыты грустные перроны
Слезная вахше матерей,
На планка старого вокзала
Стоял и плавал в во сне.
— Поплачь, поплачь,— она сказала.—
Ты мало плакала обо мне...
Моя дружка слеза Горю
Сдавило — не передохнуть,
Я плакала долго,
Плавила горячо,
А мать сказала:
— В добрый путь!

На Куровой вокзал не пробраться,
Девятый — на третьем пути,
Удлет он в одиннадцатый тридцать...
Одиннадцатый — без десяти.

Перрон озарен фонарями,
Наполнен людской суетой,
Пыхтит паровоз под парами,
От снега и света сонной.

Полностью поэма «Добрый путь»
будет опубликована в книге «Все сна-
восты и воспоминания в лицах» (Совет-
ский писатель).

Мать под руку с сыном, Манаша
В обнимку с Анютой идет.
Вот Мари Тимофеевна машет,
Он с Микой пробрался вперед.

К вагону прогинулись еле,—
Сыплют гостей города.—
На дачной этой модели
Штурмует народ поезда.

Светло на душе у Володи,
Нерисно тревожится мать.
От матери он не отходит,
Сна прихоронил опять.

Он тобит перроны, причаля,
И пристаив, к поезду,
Но без материнской печали
Ног в мире дорог некуда.

Он знает, что мать нездорова,
Но если в дороге ему,
Она с ним в дороге готова,
В тюрьму — согласится в тюрьму.

За час до отъезда рывина
До Тулы его провозит.
Печаль — это мудрость и сила,
Когда опечалена мать.

Деревяк плывет за деревней,
Метель все пути заела,
И кажется мудрой и древней
Заснеженная земля.

А поезд на рельсовых стыках
В нок сплывалась, идет.
Но путь этой смалил
Великий.

А поезд ползет черепахой,
И в думном вагоне темно.
Рески под белой палаткой
В морозное смотрит око.

Плавь истреди в яране бездонном,
Где ветер и тот одинок,
Возникнет в осяние вагоном
И гинет живой огонь.

В вагоне утесился рядом,
Но кажется тесной сыма,
И мать даже этого рада —
Сошлась наконец эта семья.

Все ближе и ближе разлука,
Удастся ли справиться с ней...
Носилась эта мауа —
Все жидь провозит сыновей.

«Во мге проросветная Тула,
Вокзал, неутопый на вид,
Манаша скользко темнью изглавнуй:
— Челябинский поезд стонет!
Снежином в луче паровозной
Преплодот, помоя на перрон,
Боевал по ступенькам морозным
Володя в зеленый вагон.

Минуты снежинок такто
На лицах людей дорожки,
И женщины слезы глотают,
И мети сно снежинок.

И взгляд материнский,
Влюбленный,
Сегодня нинкой, чей вперя,
И колочил быт стачковичий,
И крыла торжист: «Поран!»

Хоть горе и стербило спину,
Но муковста не занннать...
Качнулись вагоны,
И сыну

«Путь добрый» —
Прощалась мать.

Распахнуты железные ворота,
Кладбищенской трюниной он идет.
Сибиряк жарит. Пылет позолота.
Все точно так, как в тоу

печальный год.

Был май. Не увидела Ольга лета.

Был май залье,
Звала в бреду, в шару...
В год окончания университета
Он хоронил на Волковом сестру.

Рисунок
Владимира
АРОНИНА

Все мать знала. Сие стынля рядом.
Едва видна трюника в два следа.
Крест за крестом, ограда
О, как тизки его шагм судат!

Еще вперя в протренином вагоне
Он с материным ждан минуты той,
Когда дружок он встретил на перроне,
Увидит шить над нексимо водой.

Вдохлет весенний петроградский ветер —
Когда-то здесь его встречала мать,
Которая привинна провозит,
Которая теперь его не встретит.

У стев вокзалных билось и шумело
Людское море в призрачном дыму,
Пронетрора ощутивали силло
Травозию, туманозую тычу.

Все площадь у Финляндского вокзала,
Все улицы, ведущие туда,
Весь Петроград,
Ресня все встречала
Вондз восточной ярма трюда.

Лучн вокзал в апрельский
Поздний вечер
Рефваторск с Петропавловской стемы,
И балы в чатье высокой этой встречен
Завинья над зальной вознесны.

Горель фавеля на зыбки волнах
ноок.
Перрон застыл,
Смоли на мгновенье гул.
Впервые здесь почетный варува
Был из солдат, матросов и рабочих.

Подобные граниту и железу,
Построились, как будто на парад.
Играх оркестр военных
«Марсельезу,
И «Марсельезу» слушал Петроград.

А он, смутинился, силло неловно
изяту.
Отряд винтовком взял на караул,
Ульянов-Ленин принял кроткой
раворот.

Настречу Революцион шагнул,
Сневоз грои восторга
И сневоз чьн-то влодох
Взойда на трудный новый перевал,
Провозились рождение эпох,
По имени к отчеству назван:

— Да здравствует
Социалистическая
Революция!

Шле бранения — и поднимался
Петер,
На бой благоговелая сыновья.

Из гудки деп,
Из глубин событий
Пришел он утром и матери своей,
В дождливый день ее позоронин
На черном постаменте белый крест.

Березы низко головы склонили,
Но нарушая праведного сна...
В дождливый день ее позоронин
Где родилась она.

Был момент, сердце матери устало,
А комет, опечалено слово...
С того мюля, как ее не стало,
Всего лишь восемь месяцев прошло.

А ведь она могла бы в этот вечер
На хорошо знакомый ей перрон
Принять к нему для долгожданной
встречи
И увидать, как нужен людям он.

На площади Финляндского вокзала,
Когда бы прутки людской прибой,
Она б вину, наверно, сказала:
— Ну вот, Володя, мы опять с тобой!

...Стоял он с непокрытой головой,
Уже но в склад ой ничем помоло,
И смерть пред этой памятью живое,
Пред этой памятью, Отступила прочь.

С прозрачных веток
Музыку ронял,
Апрельский ветерок прошепел,
У черного зеркала моря
Володя вместе с матерью сидел.

И он увидел радостно обилие миль
И услышал среди надгробных плит,
Как музыка «Аскольдовой могилы»
Над этой могилкой звучит.

Над ним склонились белые березы,
Ее судьба жила в его судьбе,
И он проносился, сдерживая слезы.

— Я очень мало плакал с тебе...

Ветры подставта голову упрямю,
Он шел и не задумывался сидеть,
И та, кого он называл мамой,
Ему сказала:
— В добрый путь, мой сын!

Рыбный запах сна юной,
И вот но мне пришла она,
Сказав все нотами ледяныи,
Сказав все нотами времени.
В дверях слыла ливней свой черней,
Стружка больш-белый свет,
И, оглядев мой дель просторный,
Дарту попросилась на ночлег.
Я ей сказал:
— Ну, что ты, мама,
Входи,
Мой дом — всегда твой дом!
Жаль, е приезде е своим
Но сообразна температурой.
Сейчас пошла с тобой чужо,
Ты любишь чай по вечерам...

— Откуда, где е обитая,
На попутном теплом,
А, впрочем, ты не знаешь адреса,
Где был мой дом для судьбы
В тот сорок первый год,
В ту осень,
Когда расстался мы с тобой.

— О, я некая тебе посылку,
Вам раздобыли твой значило,
Но в все время верил чудно
И вот теперь возвращаю.

— Я поднялся со дня трамвая,
Где пронесла много лет,
На спидрап этой тощак мой
Намечен проносился след.
Я шаг, отбросил путь казали,
Нюгда походы на мала,
Промыт гостеприимно стены
Слеза горячая моя.
Далеко е вышла в путь свой страдный,
Я долго шла в тебе, мой сын,
Сказав душой дым,
Сказав ветер саркадый,
Сказав лепил е слезы грозилон,
Звон буфальдского набата
Я превратила в лесь свою,
Мой индивидуизм е солдатя,
Я люблю, как в боне,
Мая слеза козловоня,
Опоянал домца родной земли...

Мы с ней всю ночь проговорили,
А утром на вокзал пошел.

Оперевая звон трамвая,
Над нами новый день звенел,
Оскобленный Пинюшев
И голубой е зеленел,
Гудели над водой заводы,
Пух разлетался с тополей,
Шли по лыжам теплоходы —
Петомды зеленых стеновой.

Возвая слеза в стене, в бетоне,
Как в незапятнанном доре,
На несокращаемом порроне
Слова матери единой.
Детей ждала е вверенных тесной,
У оной весел,
У аск дьерой
Сядая Арина безвестная
И замолчала матерой.

...Мать Саши Кузнецова справа
С мной стою в одном ряду.
Он был мой друг,
Он юд Поляной.
В сорок четвертой пил году,
Мать Банякура, Молодая,
Мать Зоя с ней, Сурьба е судьба-е,
Мать Тугановского, Сядая,
Мать Малиновского в толо,
Мать Зорге вдала, глядит с тревогой,
И мать Тагарица Блюды,
И в казачьих черныи,
В платье строгон
Мать Лилина — сна, она!

Гудок протыкный в агуле толот,
Донеслся из глыб ночей,
Он встретил на перроне
Своих сынов е дочерей.
Она все ждуть:
Предут деля,
Хотя б на дом, на час всего...

Льня мать меня в минуты эти
Е путь проносилась мать,
Глаза он все блане, блане,
Я начинаю поминать,
Что больше в земном но уноку
Моя замаршурна мать,
И слеза слеза в горле кондон,
И в наступившей тишине
Я слышу голос тот знакомый:
— Ты мало плакал обо мне...
И встала точечкой безутраив,
И затруннннныи отыи,
И на перроне опустевшем
Матлева ночь.
И на одон,
Я поминать, что нет на свете
Ее дашо, Но тут, но сие,
Она стоила в луноно свете,
Она рукой адала мн.

ЭПИЛОГ

Не в могилной тишине,
Где траур оросился
Безутраиве сыны людей,
На скрепленые дорог,
Последняя Россия
Е востаяи бы палатон ей.

Чтоб стояла она
Не в печали и в горе,
А над сполним небос голубым,
На закатной моголо,
На открытой просторе,
Средь журавлей свирамиди своим.

Пусть воробей гляде
Все тревога е мушт,
Светит волос в термомон вонде,
На ниво отразится
На тыльке развину,
Будут вострон сыть на аще.

Будто вышла на свет
Из мглотны, из сказаны
В это утро апрельское в шаг,
Я но дам заглушить
Луцеримон красен
Беспоретным, и черным тоном.

Соборня встала над ней,
Пусть росу лунонона,
Пусть улетит е поляи е моряи,
Это мать Нильна,
Мать великого сына,
Это поминать всем матерая.

— Лепни с вами в путь,
Людя, деля разорон,
В утом — виле,
В утом — сказь,
В утом — стуть...
Будет голос еи,
Слышу голос России:
— В добрый путь!
— В добрый путь!
— В добрый путь!

Пропаганди всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА

ЛИТЕРАТУРНО-художественный и
ОБЩЕСТВЕННО-политический
ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА
ВЛКСМ

Основан в январе 1924 года
Выходит два раза в месяц

№ 3 (1034)
АПРЕЛЬ
1971

НАША ОБЛОЖКА:

АНТОЛЬСКАЯ МАЛОИНА

Репортаж о герда антольских летних катках из страниц 10—21

Фото Павла МИХАЛЕВА

2

ВЕЛИКИЕ ФОРУМ ВЕЛИКОЙ ПАРТИИ.

11

ВЕТЕР ВСЕГДА С ЮГА! РЕПОРТАЖ О ДРЕЙФЕ КОМСОМОЛЬСКО- МОЛОДЕЖНОГО СТАНЦИИ «СП-19».

24

«ДА ЗДРАВСТВУЮТ МУЗЫ! ДА ЗДРАВСТВУЮТ РАЗУМ!» ВЫЛЬ И СКАЗКА БАЛЕТА.

28

ЧЕЛОВЕК БЫ БИОГРАФИИ, ГЛАВЫ ИЗ КНИГИ АЛЕКСЕЯ АЗАРОВА И ВЛАДИСЛАВА КУДРАВЦЕВА «КРАСНАЯ КАПЕЛЛА», ПОСВЯЩЕННЫЕ СОВЕТСКИМ РАЗВЕДЧИКАМ.

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ

ПРИЗНАНИЕ. ОПЫТ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ПОРТРЕТА МОЛОДЕЖНОЙ БРИГАДЫ

ЧЕЛОВЕК НА ДОРОГЕ. ОТРЫВОК ИЗ ПОВЕСТИ ГЕОРГИЯ СЕМЕНОВА

ПЯТИДЕСЯТАЯ ВЕСНА СОВЕТСКОЙ ГРУЗИИ

СИЛУЭТЫ: ВИЛЬГЕЛЬМ КЮХЛЬБЕКЕР

Главный редактор А. Д. ГОЛУБЕВ

РЕДАКЦИОННАЯ С. Абдулин, Г. П. Елисеев, К. Н. Знаменский, А. П. Ку-
лашов, А. А. Лукьянов (ответственный секретарь), В. В. Луцкий (замес-
титель главного редактора), Р. И. Ровдственники, Е. И. Рябчиков,
Г. В. Семенов, С. С. Смирнов, А. Б. Ступов (главный художник),
В. Е. Толмачов

Художник Г. С. Горьбаченко Технический редактор Н. И. Будинин

ВЕЛИКИЙ ФОРУМ

ВЕЛИКОЙ ПАРТИИ

ВСЯ НАША ДЕЙТЕЛЬНОСТЬ

СВИДЕТЕЛЬСТВУЕТ, ЧТО КПСС

С ЧЕСТЬЮ ВЫПОЛНЯЕТ РОЛЬ

ПОЛИТИЧЕСКОГО РУКОВОДИТЕЛЯ

РАБОЧЕГО КЛАССА

И ВСЕХ ТРУДЯЩИХСЯ,

ВЕДЕТ СОВЕТСКИЙ НАРОД

ВЕРНОЙ ДОРОГОЙ,

ЛЕНИНСКИМ КУРСОМ.

Из Отчетного доклада ЦК КПСС XXIV съезду
Коммунистической партии Советского Союза.

Дни весны — дни обновления. Весна пробуждает в человеке новую силу, рождает неутолимую жажду созидания. И глубоко символичен тот факт, что приход весны на московскую землю совпал с началом работы великого форума великой партии.

Десять дней эпицентр внимания мировой общественности лежал за кремлевскими стенами. Здесь решались проблемы, имеющие значение не только для жизни четырнадцатимиллионной ленинской партии, но также для жизни крупнейшей державы мира, здесь определялись во многом и пути развития человечества, его будущее.

Отчетный доклад ЦК КПСС, с которым выступил Генеральный секретарь ЦК партии Леонид Ильич Брежнев, с исчерпывающей глубиной показал размах народнохозяйственной политики партии, ее место в могучем созидательном процессе, в истории нашей планеты. Каждая строка выступления Леонида Ильича Брежнева, по словам поэта Сергея Смирнова, подчеркивает итоговую

МОСКВА. КРЕМЛЕВСКИЙ ДВОРЕЦ СЪЕЗДОВ. НА ТРИБУНЕ XXIV СЪЕЗДА ПАРТИИ ГЕНЕРАЛЬНЫЙ СЕКРЕТАРЬ ЦК КПСС тов. Л. И. БРЕЖНЕВ.

Идет регистрация делегатов.

Единое здание огромного зала.

Писатель Михаил Шолохов у регистрационного стола.

Делегат XXIV съезда партии гокарь завода «Красный пролетарий» В. В. Ершилов.

Руководители зарубежных коммунистических партий дружески беседуют в кулуарах съезда.

Заинтересованный разговор представителей разных поколений.

взвешенность доклада, где все разделы — с веком наравне».

По данным Мандатной комиссии, на съезде присутствовало 4 949 посланцев партийных организаций нашей страны. Но, по существу, в работе съезда принял участие весь почти четвертьмиллиардный советский народ. Деловитость работы съезда эхом отдавалась на заводах и фабриках, на полях и новостройках. Каждый советский человек ощущал себя делегатом партийного съезда и своим трудом, своими знаниями вносил посильную лепту в его успешную работу.

Сопричастность молодежи великим делам нашего времени подчеркнул в своем докладе Генеральный секретарь ЦК КПСС Леонид Ильич Брежнев. Он сказал: «Трудно даже представить себе такой участок хозяйственного и культурного строительства, где не находили бы применения энергии, творчество и дерзание комсомольцев. Ударные комсомольские стройки, групповые конкурсы мастерства молодых рабочих, студенческие строительные отряды, молодежные производственные бригады, летние лагеря труда и отдыха — все это конкретные и очень нужные дела комсомола, вожака советской молодежи».

Эти слова в сердце каждого молодого челове-

ка с комсомольским значком на груди. Они не полигают его душу гордостью за свершенное, они зовут к новым трудовым подвигам во славу земли нашей, во славу бессмертного дела Ленина.

Великолепно высказался писатель Николай Грибачев: «Память — это челнок, сиюющий через настоящее между прошлым и будущим. Так великий ткач — время — создает историю». Наша память — в наших делах. И если добавим, что время мы прочно держим в руках, подчиняя его задачам коммунистического строительства, партийной воле, то историчность XXIV съезда предстает перед нами во всем величии его решений, Директива по пятилетнему плану народнохозяйственного развития.

В те памятные весенние дни захватывающие газетные отчеты из Кремля заканчивались традиционно: «Съезд продолжает свою работу...» И сегодня, когда опустел зал заседания, когда делегаты разъехались по местам в свои партийные организации, невольно хочется сказать: «Съезд продолжает свою работу...» И в этом выражении нет метафоричности. В нем истина. Поскольку мир живет и еще долго будет жить той мудростью, которой одарил человечество великий форум коммунистов.

ПАРТИЯ ПО ПРАВУ ГОРДИТСЯ

МОЛОДЫМИ СТРОИТЕЛЯМИ КОММУНИЗМА.

**НАШ ДОЛГ — ПЕРЕДАВАТЬ НОВЫМ ПОКОЛЕНИЯМ
СВОЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ ОПЫТ, ОПЫТ РЕШЕНИЯ ПРОБЛЕМ**

ЭКОНОМИЧЕСКОГО И КУЛЬТУРНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА,

РУКОВОДИТЬ ИДЕЙНЫМ ВОСПИТАНИЕМ МОЛОДЕЖИ,

ДЕЛАТЬ ВСЕ, ЧТОБЫ ОНА ДОСТОЙНО ПРОДОЛЖАЛА

ДЕЛО СВОИХ ОТЦОВ, ДЕЛО ВЕЛИКОГО ЛЕНИНА.

Из Отчетного доклада ЦК КПСС XXIV съезду
Коммунистической партии Советского Союза.

Степан Степанович ВИТЧЕНКО

ВЛАДИМИРА ЦЕЛУЕВА РЕКОМЕНДОВАЛ В ПАРТИЮ его бригадир Степан Степанович Витченко. Давая рекомендацию, сказал:

— Уверен в тебе.

И, рассказывая Володе Целуеву, посмотрел он на меня особенно криво.

Здесь я считаю необходимым сделать небольшое отступление, чтобы познакомить читателя с этими людьми: с Витченко Степаном Степановичем и Целуевым Володей.

КОГДА ЭТО БЫЛО, Я ТОЧНО НЕ ПОМНЮ, но наверняка не менее восьми лет назад. В одном из огромных, разгорющихся надвое широкого цехаов «Электросила» мне, показав на нем особо не примечательного человека, с уважением сказали:

— Вот Витченко, Полковник.

Полковник? Витченко офицер не капитанел, Он был не в форме, а в спецовке, в руках держал отоварки и вробеи бы не отличился от других слесарей-сборщиков, склонивших над стандами. На этих стандах блеск профана различил лишь разностепенную вещь принудило переплетавшихся провода.

Каюсь, в тот момент мой взгляд был устремлен больше на эти хитрые станды, чем на мастеров. Ведь это было первое знакомство со всенародно, всенародно знаменитой «Электросилой». Завод оглушал новичка своей огромностью, цехи его были просторны, как поля; когда впервые привлекло увидеть выходок рабочей смены, это запомнило что-то первозидное, хоть и стояла зима—так много было народу, что незволиво приходила мысль о шестине, о демонстрации...

Теперь я напоминаю об этом случае Степану Степановичу, и он смеется. Он понимает восторг человека впервые попавшего на «Электросилу» — ЕГО ЗАВОД.

Мы сидим с Витченко за столом. Я смотрю на него и вижу, какой ошибкой незрелого взгляда было охарактеризовать его внешность как заурядную. Достойно взглянуть ему в глаза, уловить их живой блеск, их молодость — а ведь человеку за шестидеять Вот он смеяется тихо — жест шаркий, от плеча... и пераивает меня:

— Постой, погоди. Ты ведь понимаешь, чего тут не понимают: мы, старшие, всегда зеркало для молодежи...

ДАВАЙТЕ ЖЕ ЗАГЛЯНЕМ В ЭТО ЗЕРКАЛО. Пусть в нем сегодня отразится двое: старый коммунист и молодой. Партийный стаж Витченко — тридцать с лишним лет, он вступил в партию в 1930-м, Владимир Целуев получил партийный билет совсем недавно. Жизнь тесно связала этих людей. Целуев сказал мне, что она, эта связь, инаверное, никогда не прервется, я это даже не во внешнем смысле понимаю, а в другом, более глубоко: влияние Степана Степановича на меня очень большое оказало.

Слова простые, а смысл их серьезен чрезвычайен. Каждый из нас, если внимательно пересмотрит свои дни, обязательно придет к выводу, что есть в его судьбе «главный человек». Для

одних это старший брат, для других — Маресья, для третьих — учитель математики... И так далее. Показывают сейчас много пишут о том, что основы личности закладываются в возрасте от двух до четырех лет.

Здесь при всем уважении к науке стоит поспорить. Мир огромен. Не одна изобретательская машина не сумеет учесть мириады факторов, влияющих на человека в процессе его формирования. Да, раннее детство решает многое. Но в три года мы еще не умеем, скажем, читать и, стало быть, не встретились ни с Оводом, ни с Эдисоном, и в пять лет — это особенно существенно! — мы еще не повстречали своих «главных людей»...

В ТЫСЯЧА ДЕВЯТСОТ ШЕСТЬДЕСЯТИ ВОТРОМ на завод «Электросил» Володе повалили подростки, их принимали очень хорошо, уважительно, всех стали учить азам ремесла, послали в цехи, распределили за опытными, надровыми рабочими, присвоили разряд, поставили на самостоятельную работу.

Один мальчишка, инокий Кузнецов Сергей, заработал в первый месяц этой своей самостоятельности двадцать рублей, а брава напором не двадцать восемь. Назавтра он в цех не пришел и инаверне свом по поводу происшедшего выразил очень кратко: «Ничего я на все!»

Другой мальчишка, Борька Бизер, авзал ком промсленных концов, тенул в них пилороску и швырнул концы, вспыхнувшие зря, как интеллепана, за швартог Витке Швырлеву. Швырлеву — в сивачств, Бизера — к мастеру.

Обычно, по традиции или по привычке, приводят три примера, а здесь, на глазах у Витченко, в восьмом цехе, произошло не три таких случая, а десятки. Все не переисчисляешь. С тех пор немало воды утекло, но я и сейчас еще хорошо помню, как Степан Степанович рассказывал о случае с Борисом Бизером и о том, как он (Бизер, конечно, а Витченко) увидел в этом факте словно бы толчок, после которого сиея себя обязанным действовать.

И он начал действовать. На цеховом партийном собрании первый заявил, что ребят-подростков, если только они пришли работать, нужно объединить в специальные бригады во главе с бригадирами-наставниками. Иначе, говорил он, толку не будет, потому что система «+1», то есть «шеф — подшефный», хоть и послужила в свое время хорошей службой, но в новых условиях себя не оправдала.

Тогда встал начальник цеха И. В. Порохин и сказал, что слова Витченко целиком правильные.

— С вас, Степан Степанович, и будем начинать. Хватит вам, полковникам, воспитывать друг друга. Беритесь за ребят!

Мне думается, что сейчас, в эти дни, нет смысла писать о назначении «Электросила» там подростки, как, к примеру, пять-шесть лет назад. Все эти годы наша печать, особенно молодежная, много рассказывала о делах бригады Витченко. Были здесь удачи, были срывы. Но дело это не

из таких, что раз вышел на дорогу — иди по накатанному пути.

Конечно только сказать, что в тот тот столе памятный бригадирю год в число первых двенадцати членов «экспериментального коллектива» поляя и шестидесятилетний Волода Целуев. Волода вспоминает, что Степан Степанович его встретил по-деловому, что сразу было видно, что человек добрый. Почему? Да потому, что он меня, ничего не умеющего, авзаял учить и не жалел на это ни сил, ни времени. Думаете, легко научить зеленого мальчишку мастерству?!

КОГДА БЕСЕДУЮ СО СТЕПАНОМ СТЕПАНОВИЧЕМ, то понимаю, что задача научить ребят мастерству — это хотя и очень важная, но с его точки зрения, не единственная существенная задача, которую он ставил перед собой и перед бригадой. Однако об этом чутько позже. Здесь же надо прояснить несколько неясных обстоятельств — неясных для тех, кто не слышал о Витченко раньше.

Дело в том, что он, оказывается, пришел на завод с Московской заставой не на много раньше Володи Целуева. Если жизнь человеческую мерить трудом, то можно смело сказать, что Степан Степанович начал тогда свою вторую жизнь. Ибо двадцать пять лет он прослужил в рядах Советской Армии, воевал, имел пятнадцать правительственных наград, дослужился до полковника и в положенное ему время ушел — в данном случае это будет не столько правильной формулировкой, сколько точной констатацией факта — на заслуженный отдых. Его никто не укорил бы даже в инакше, если бы он этим отпуском воспользовался вполне: построил дачку, насадил сад, завел хозяйство — словом, заимки, как говорится, «на покой».

Но вы не знаете Витченко! Этот человек не мог не трудиться, потому, пусть бы в котуре дегнебуду, а в этом учреждении! Но вам уже сказано, что вы не знаете Витченко: Степан Степанович не таков. Он рабочий человек. Он, хоть и давнеем это было, а детстве слесарю, его руки помнит также напильника.

Но все же так будет неправ, кто скажет, что легко далась вчерашнему полковнику такая первая судьба. Вот, например, такой пункт. Его учил слесарному делу во времена тоу не доисторическое — в период изпа. На «Электросиле» пришлось не то припомнить, не то учиться заново. И нелегко пришлось, руки все обили. Бригадир об этом сам рассказывал новичку Вите Семенову. Тот пенковал, что у него ничего не выходит, и стеснялся, что бригадир пробит на него столько времени.

Степан Степанович, улыбаясь, сказал ему Витченко, — я сам недавно так был!

Семенов посмотрел на него икаса, — Не веришь? Хлояченко Юра учил, чуть поостерегай тебе. Он мне свой опыт, я — тебе. Все очень просто.

Да, ничего не скажешь, действительно просто...

Но мы забежали немного вперед. А тогда, после прихода Степана Степановича на «Электросилу», о нем многое узнали. И те офицеры, для которых пенсионный покой оказался горько горько, потянулись на производство. В цехе у Витченко, например, образовалась целая «полковничья» бригада — та сама, о которой начальник цеха Порохин выразился, что дескать, хватя полковник самим себя воспитывать. Так-то так, но бригады были знаменитая, трудом своим гремела на весь Ленинград!

НЕ БЫЛ «ТРУДНЫМ ПОДРОСТКОМ» Волода Целуев, но жизнь у него была трудная. В пятнадцат лет он понял, что нужно помогать семье. К Степану Степановичу Волода попал, можно ска-

КОМУ РАБОТАТЬ

Валентина БИАНКИ, Илья ГРИЧЕР (фото)

зат, случайно:езде предлагали ехать на подсобные работы, а парней хотели, чтобы сразу специализность. Честно говоря, на большой завод боялся идти, а вышел корешо.

Из двенадцати подполчных Витченко мальцов Владимир оказался единственным комсомольцем. Потом комсомольцев прибавилось, выбрали Целеву группомосора. Он и до сих пор группомосор. Уже коммунист, в армии отслужил, вернулся в родную бригаду позароспевшим, а без комсомола себя не мыслит.

Мне неловко было спрашивать Володю, знает ли он, какво пришлось его старшему другу и наставнику в тот первый период, когда бригада только начинала жить. Мы и так долго разговаривали, а Целеву (меня бригадир предупредил) был в местожитии цейтноте. Поступил на первый курс политехнического института, не все ладится, а сессии на носу. Степан Степанович, узнав, что я хочу встретиться с Володей, жестко ограничил меня во времени, сказал: «Ему заниматься надо!» А сам подробно рассказывал, сколько пришлось хлестнуть с «инерганизованной» массой.

Бригаду потрясли всекие неузнаки. Ни одного почти дня без прогула. У кого-то зальет отец. Кто-то набьет кому-то физиономию. К лету все вроде бы образовалось, Степан Степанович ушел в отпуск. Вернулся, а ему с парочкой: «Посчитайте! Черт знает что!» «А что?» «Ты гулял, и ребята гуляли!»

Витченко ходил к каждому домой. Родители сначала удивлялись, а потом, привыкнув, сами чистенькими вызывали бригадиря в прохладную, посветоваться. Степан Степанович обучил парней слесарить. Однажды на собрании поставил вопрос: «А ну-ка, подумаем, у кого что лучше выходит, у кого и чему талант есть. Каждый выбирает себе операцию, потом пойдет. Бригада знает какой план получить?»

Парни видели работу бригадиря, похожего мужику, бывшего офицера. Руки были в неизгладимых трещинах. Они дивились, как это стало. Становилось неудобно говорить. Степан Степанович вскоре краем уха услышал, как трое подошли к четвертому, который стоял без дела (бригадир был занят работой, а кто нечего).
— Что халтурщик! Опять простоял! — И еще тыше! — Смотрю у нас...

Это было шесть лет назад. Степан Степанович за это шестилетие много изменился, а вот бригаду не узнаю. Уже тогда он называл мне имя Володи Целеву. (Он говорил: «Володечка Целеву», — но не потому, что тот ходил в любячкина; бригадир почти всех своих воспитанников называет ласково, как саночек. Они, пятнадцатилетние и шестнадцатилетние, конечно же, для него дети!).

Но ни Витченко, ни тем более а не могли тогда знать, что именно Целеву станет будущей рукой бригадиря, его опорой.

У меня сохранилось впечатление, будто Целеву считает, что в бригаде у них всегда было так, как сегодня, и что сегодняшнее состояние его — дело счастливое. А состояние вот какое. Ни те ни другие пятлетку бригаду выполнили в декабре 1969 года, среднегодового выполнения плана составило 138 процентов. Комсомольская группа на заводе на отличном счету. Вот так!

А как же иначе? Считать, что не стоит коллектива, «Кит» первый: взаимопомощь есть взаимопомощь, а значит, работаем на общий народ! Один за всех, все за одного. «Кит» второй: ни один вопрос не решается единолично. Ни те ни другие третий: совет ветеранов (надо учесть самому ветерану примерно двадцать четыре года, это те ребята, что вернулись из армии). «Кит» третий: состав бригады непрерывно обновляется. А как же иначе? Старший уходит на военную службу, новый приходит на их места. «Кит» четвертый: традиции. Например, приходит новень-

кий, и в обед обязательно общее собрание. Члены бригады рассказывают о цехе, о себе, а новичок, будь добр, — о себе.

Еще пример: посвящение в рабочий класс. Это происходит торжественно, обычно во Дворце труда. Вручается именное удостоверение, имена героя-ленинградца, электросилового зночка... Я спрашиваю комсорга, сколько же ребят прошло через эту бригаду за эти девять лет.

Сто три человека, — отвечает Володя.
— Есть такое выражение: педагогический брак. Был ли он у вас? Со сколькими людьми вы вынуждены были расстаться?

Володя удивляется:
— Что вы! Ни с кем. У нас из бригады никто не прогнан, кто становится молодым. А куда же, собственно, прогнать?

Между прочим, педагоги, воспитывавшие детей в средней школе, не всегда могут дать подобный ответ. А ведь к Витченко и Целеву приводят уже «трудных», как правило, ребят — были и страшно запущенные, из колонии. Бывали не только прогулы, кражи случались, разговоры в прокуратуру, были даже суды. А кто: не потерпели никого!

БОЛЬШЕ ВСЕГО ЛЮБИЛ ВОЛОДЯ те часы, когда они со Степановичем Селевичевым асваращались домой из Дворца труда. Шли то вдвоем, то езде с кем-нибудь; город был тихий, по-ночному приятный, а путь за Московскую заставу поближе. О многом говорили они. То Витченко в ответ на распросы станет рассказывать о своем детстве, как рос сиротой, Или о войне, он сейчас прошел. Как молодым командиром был послан по поручению самого Жданова в район Шмисельбурга уметь о судьбе дивизии, брошенной на самый опасный участок фронта, — вокруг Ленинграда замыкалось кольцо блокады. Ни одному офицеру заехать, посланному разведать, что страсало с дивизией, не довелось вернуться. А Витченко довелось. Вернулся и доложил в Смольный: кольцо замыкнулось...

Володя тоже рассказывал о себе. Понимал он уже тогда или позже понял, что рядом с ним идет человек, который стал для примером, на которого он всегда теперь станет равняться? Как говорит Степан Степанович: «Мы, старшие, — зеркало для молодых...»

Что же Володя хотел заглянуть в это зеркало. Вот Витченко. Вот его питомец. Юный парень от старшего его лучшего качества. Пусть Витченко с хитрой улыбается, узнав, как Володя спланировал у него мисеру жестикулировать — широко, от плеча. Каждому кто не в этом деле. Наставник научил наследника уменью трудиться, уменью быть в гуще людей и влиять на них. Наука и есть антоному.

А Мишана Михайловна Пришвина в его «Незабудках» между прочим сказала:

«Чем я силен! Только тем, что ценное людям слово получаю ценной собственной жизнью. И сегодня, завизав за перо, чтобы рассказать о Витченко и его питомце, а еще раз вспомнить о короткой записи письма. Ах, как нам хочется иногда, чтобы все получилось сразу! Троечник грежит о том, как он проспирается и оказывается стращающим. Но когда поет, не хватает ли «другу» стать знаменитостью! Молодой солдат — сразу! — героем. Простая истина, что любая работа, любой успех, как та самая работа, которую без труда не вынешь из труда, — одна из самых трудных и важных человеческих истин!»

И поэтому так прекрасно писать о людях огромного волевого усилия. Не слышка фееричная, а медленное, упорное напряжение всех сил. Увидишь, как провинившийся человек первые годы, когда ты поднижешься эти милонам, а они поднижются тебе, потому что ведут

Владимир ЦЕЛУВ

к одной цели. «Ценной собственной жизнью...» Какое там «сразу», когда нужно каждый день встать в шесть утра, потому что в 7.30, а то и раньше (Витченко приходит в цех всегда раньше) нужно быть на работе! Вот он до начала смены едет домы к Игорю Ж.

Степану Степановичу — шестидесять лет, Игорю — шестидеять. Только-только исполнилось шестидеять, в бригаду попал пятнадцатилетний. Учиться после восьмилетия не захотел, много было с ним родителей горя, можно поверить. Утром отец везет Игоря на «Электросилу», чтоб не опоздал, а сын высказывает из трамвая на промежуточной остановке в тот самый момент, когда дверь с шипением замыкается перед носом отца. Иши свещи! И вот Витченко сам едет за Игорем и привозит его на работу. Он знает, что переть от него не убежит. И точно. Не бежит.

НОВЫЙ ДЕНЬ — НОВЫЕ ЗАБОТЫ. Сколько бы ни было заслуг — а к Витченко приезжают учиться ангоме — они не освобождают от ежедневных дел. Вот шестеро новеньких пришли из детдома, казало бы, люди самостоятельные, без родителей росли. Ан нет. С ними не меньше приходится возиться, чем с «домашними». Привыкли, что их всем обзавают, дад нуно — помогу! Не терпится проврать самостоятельность. Думая, бригадир, хлопчик на первых порах нанякой Бригадирю нужно быть в вечерней школе, нуно навещать семью нуною...

Нет, конце этим «нуноно». Как сказал поэт, эпохой нам только снится. А Степану Степановичу, по моему глубокому убеждению, он даже и не снится. Какой там покой! Он его, покой, и не хочет. Он хочет другого: чтобы все мальчишки выходили в жизнь людьми.

Что ж, теперь бригадирю легче. Девять коммунистов в его бригаде, девять его питомцев и соратников. На них он может полагаться, как на себя. Увиди он завтра, любой займив его на посту бригадиря. Опробовано не раз. Вот и комсомольцы подрастают...

— Здравствуй, Юра,— говорит Кира и важно Никанору.— Вы знакомы?
 — С ним-то!— удивился Никанор.— Да я его с первого класса знаю! Верно, Юра, с первого!

— Да точно-то— ты меня с первого, а тебя со второго.
 — Все равно. Слушай, Юра, какие же вы молодцы!
 — Ясно, молодцы. А кто и почему?

— А мы вот не скажем, да!— торопливо предупредила Никаноров ответ Кира.— Журнал «Мирская» есть раздала. «Хоту все знать». Вот обратись.
 — Да! точно-то— раздала «Справдай»— отвечаю,— добавила Никанор и заметила, что Кира снова немного покраснела. Наверное, от удовольствия, что он так легко, с полуслова подхватил ее тему. Но тут, к сожалению, пришлось превратить все разговоры: сегодня дорога до школы оказалась короче, чем всегда. Они пришли.

Первый урок по расписанию— география. Учительница начала объяснять новый материал, но Никанор ничего не слышит. Он весь захвачен будущим путешествием. Ему представляется картинка из какой-то газеты— большая поляна, аман виден лес. По поляне гуськом шагают туристы. Конечно, Никанор собирался путешествовать не пешком, а на аэде. Но она сама собой возникла в сознании, эта примелькавшаяся картинка, и сейчас же зарисованный на ней луг оживает, а по тропинке, среди травы и цветов, в цепочке туристов зашагал он сам, а рядом с ним Кира в джинсах и кепочке, с рюкзаком за спиной. Ей тяжело, она бреднет от усталости. К ней подходит он, Никанор, и так уверенно говорит: «Сильней захват, я сам поведу». Кира благодарно улыбается. Теперь уже два рюкзака оттягивают ему спину, а он только правее держится, вот так. Никанор снуд лоски с парты и выпрямился. Но тут кто-то дернула его за куртку, зашепеляла прехостергающий шепот: «Коста-Рика, тебэ, Коста-Рика...»

Никанор испуганно поднял глаза: словно призрачно тающую зеленую поляну проступила вполне реальная учительница. Она в упор, вопрошающе смотрела на него.

— Инак? О чем я сейчас рассказывала? Пожалуйста, повтори.
 Никанор tutto молчал. Единственное, что услышал он на этом уроке, был шепот: «Коста-Рика, тебэ, Коста-Рика...» Совершенно растерявшись и с перепугу приняв Баскские слова за подсказку, он, слоптуш по слому, вышамкал: «О Коста-Рика!»

Тинина изумления на миг воцарилась в классе и сейчас же взорвалась хохотом. Учительница глы и склонилась над своим портфелем, будто что-то отыскивала в нем, но ее голова и плечи тоже дрожали от сдерживаемого смеха.
 — Никанор тоже зашумел, стал оскакиваться на ребят, тотчас же встать вместе с ними. Но увидел прежде всего страдающее лицо Кати Боринцевой. Катя страдала, она плавалась на всех, кто смеялся сейчас вокруг, а главное, смотрела на него, Никанора, с сочувствием. Уже по-иному он еще раз объяснял на ребячьи вопросы, он велел им замолк. Точно.

И тут он наконец сообразил. Весь год их класс проходил географию Советского Союза. При чем тут Коста-Рика? И зачем он вообще отвечает? Вылезет же, что человек не знает. И шикто не смеется. А так он стоиц помешиванием всего класса. Еще Кира угаивает.

На первом часу начал оправдываться. Пусть Никанор не думает, он, Баска, про Коста-Рику вовсе не подкашивает, а совсем...

— И вообще,— объяснил он,— не расстраивайся, а радуйтесь надо. Высапшсь, в коридоре олитр ржут? Похоже, наши рассказывают про тебя восьмому «Б» и «В». А по-америкашски это звавется? Па-бл-си-ти. Известность, значит. Или, по-другому, река...

Никанор недоуспаша, схватил учебник географии и с силой треснул Баску по голове. Тот отреагировала быстрее, чем успев обидеться. От жесткого Баскского кулака у Никанора задуло в ухо. В то же мгновение сам Баска отлетел на три парты вперед. Что это, а уж если отомстит Котрикина.

Когда со звоном в класс вошла учитель физики, недавние друзья сидели, круто отворачившись друг от друга, так что покраснелась не локтями, как обычно, а спинами. И даже спины их выражали враждебность.

Буд физик задала свой первый вопрос, адресует его всему классу и привлеклась, кого бы лично спросит, как рыком поднялась с парты Боринцева. Вызвалась отвечать с такой поспешностью, будто кинулась заслонить кого-то от беды. Слышала слова, тараяца на учителях кривоале, названные глаза, очень медленно и оловя старательно записывала мелом формулы.

Никанору Катка была противна. И сам себе он тоже был противен. Прогла ую— оно до сих пор садняло— сканивала глаза на самого Баску и все думала, что скажет Кира, когда они сейчас встретятся на большой перемене. Бель не может он не пойти к ней пожеме того, что произошло между ними сегодня утром, когда она сама сама— зашла за ним и сама предложила вместе провести праздники в пустыньности. Сегоднешнее утро налагаало на него, Никанора, определенные обязанности, вернее, делало ему право, вернее... Нет, он не умел это такое обозначить словами. Ясно было одно: сейчас, на большой перемене, он сразу улетит по пути в шикто-то хоронилась. А их, своих друзей, она поспешно ушла, чтобы поговорить о важных вещах. Во-первых, рассказать о том, что у них сегодня появился пятый товарищ по будущему путешествию, во-вторых, объяснить, почему она его пригласила. Такой разговор откладывать нельзя было. Ведь утром по пути в шикто-то хоронилась. Нукал чуж было не заговорила о будущем путешествии с Юрой, который тогда еще даже не подозревал, что Нинка пригласила.

К ее удивлению, Котрикина не рассердилась на то, что она сама, не посоветовавшись заранее, пригласила Никанора в их плавучую команду. Лодка выехала в пятницу в три часа. Ни с кем не разговаривая, она поспешно ушла, чтобы поговорить о важных вещах. Во-первых, рассказать о том, что у них сегодня появился пятый товарищ по будущему путешествию, во-вторых, объяснить, почему она его пригласила. Такой разговор откладывать нельзя было. Ведь утром по пути в шикто-то хоронилась. Нукал чуж было не заговорила о будущем путешествии с Юрой, который тогда еще даже не подозревал, что Нинка пригласила.

К ее удивлению, Котрикина не рассердилась на то, что она сама, не посоветовавшись заранее, пригласила Никанора в их плавучую команду. Лодка выехала в пятницу в три часа. Ни с кем не разговаривая, она поспешно ушла, чтобы поговорить о важных вещах. Во-первых, рассказать о том, что у них сегодня появился пятый товарищ по будущему путешествию, во-вторых, объяснить, почему она его пригласила. Такой разговор откладывать нельзя было. Ведь утром по пути в шикто-то хоронилась. Нукал чуж было не заговорила о будущем путешествии с Юрой, который тогда еще даже не подозревал, что Нинка пригласила.

зала, что пригласила Никанора вовсе не потому, что ей так уж хотелось, чтобы он непременно был вместе с ними. Объяснила истинную причину и думала, что трудный разговор окончен. Оказалось же, он только начался. Равиль, а вслед за ним и Тана стали поочередно рассуждать об уважении и неуважении, о личности, о правоте, честности. А что тут нечестного? И какая разница человеку, из-за чего его позвали в чудесную поездку по реке? Да ведь он о том и не спрашивал, прагмат того был от радости... Кира разнервничалась. Куда девалась сильнее мергание из-под темных бровей, загадочная улыбка, перед которой робел Никанор? Лицо ее покраснело пятнами.

Кира сначала не приняла участия в спор, молча крутила перед собой обрывок цветного провода и пристально глядела на образующийся при этом радужный круг. Потом, будто подождав свои размышления, несколько неожиданно заметил, обращая к сестре и Равилу:

— Сам я противоречив. Давайте рассуждать логически. По-вашему, Котрикина— личность, следовательно, его надо уважать. А Кира-то разве не личность? Если ей было удобно изменить так, зачем вмешиваться в ее дела? Да, вполне возможно, никакой проблемы вовсе и нет, вы сами выдумали ее. Так скажите, лодку воображения, не подающийся учет компьютеров.

В конце концов спор прекратился. Кира умела убедить других в том, в чем хотела убедить. А тут ее поддержка неизвестно по всем меркам масштабна.

Только сам Никанор ничего не знал об этом разговоре. С нетерпением дождался звонка, чтобы помянуть ей настренку. И встретил этой любилась. Ведь

За мужество и выдержку, проявленные в период дрейфа, и сбор научного материала, представляющего большую ценность, коллектив комсомольско-молодежной станции «Северный полюс-19» занесен в Книгу почета ЦК ВЛКСМ.

ВЕТЕР ВСЕГДА С НОГА

Артур ЧИЛИНГАРОВ,
начальник комсомольско-молодежной
станции «Северный полюс-19»
Геннадий КОПОСОВ (фото)

Возвратившись на Большую землю, я встретился с Иваном Дмитриевичем Панапанин. Он долго рассматривал меня, словно изучал, кому же досталась в наследство его Арктика, потом произнес: «Завидую вам, молодым. Один из товарищей, присутствовавших при этой встрече, попросил меня сравнить трудности нашего дрейфа с героической эпопеей пананцицев. Я не успел ответить, как раздался удивленный голос Ивана Дмитриевича: «Разве льды стали дружными!»

По-моему, Арктика изменилась, она стала постоянным местом исследований, человеческого творчества. Но неизменно отношение людей к арктической природе. Оно не терпит слабости и одиночества. Северный полюс остался по-прежнему суровым и манящим. Правда, современные достижения науки и техники приблизили его к нам, сделали более доступным и приспособленным к нормальной научной работе.

Год за годом пересекают Ледовитый океан дрейфующие станции «Северный полюс». В их жизни и работе много общего, но есть и свои особенности, неповторимые, как траектории дрейфа. К особенностям станции «СП-19», думаю, следует отнести молодость участников экспедиции и сложность научных наблюдений — от океанских глубин до космических высот прострелялся наш исследовательский полigon.

Дрейф ледяного острова начался задолго до

того, как над ним поднялся красный флаг. Вот строки из одного отчета: «19 апреля 1968 года при выполнении планового облета Чукотского моря обнаружен ледяной остров с координатами 71°36' с. ш. и 197° в. д. Размеры: длина 14 км и ширина 8 км. Остров оказался дрейфующим, и к осени 1969 года его уже качали волны Восточно-Сибирского моря. Все это время за ледяной веши наблюдения. О ней писали статьи, спорили о ее происхождении. Ледяной остров заинтересовал алгорит исследователей Арктики. Ученые составили прогноз его дальнейшего дрейфа. Маршрут этот был интересным. Созрела и новая программа научных исследований, представлявшая большую важность для изучения ледовых условий и климатических закономерностей на трассе Северного морского пути. Наш Научно-исследовательский институт Арктики и Антарктики и Главное управление гидрометеослужбы СССР решили создать на этом острове новую дрейфующую станцию. Подобрать участников экспедиции вызвался комитет комсомола института — вот и получился коллектив комсомольский. Но, несмотря на свою молодость, только трое из будущих участников дрейфа не работали раньше за Полярным кругом: повар Валентин Дондуков, инженер Борис Ремец и врач Геннадий Горбунов.

Коллектив начал складываться еще во время подготовки к дрейфу. Больше месяца подбирали и отправляли на Север оборудование и научную аппаратуру. Оборудования было много. Группу

Анатолия Воробьева интересовали верхние слои атмосферы, Зарина Саргузяниана и его товарищез занимал дрейф целой ледовой системы, лежащей вокруг острова, Михаила Евсеева — микроциркуляция воздушных потоков в полярных областях... В общем, наша станция должна была стать своеобразным филиалом Арктического института.

Ленинград провозил нас дождями, ледяной остров встречал крепкими морозом и сплошной тишиной. Впервые в истории освоения Арктики высидка зимовщиков проводилась во время полярной ночи с самолетов. К нашему приезду льдина была уже неапожож обжита. За несколько месяцев до решающего шторма туда была перебросана группа подготовки.

Домыши, собранные на санях, мы отгружали сам. К концу одного из них прилип желтый листок ленинградского клеена. «Как марина на конверте», — подумал я. Кто-то антарктично откинул его и спрятал на память. Нет, не только сувениром был этот листок-путешественник!

— А какжя оно будет, наше путешествие! — ни и кому не обращаясь, спросил механик Анатолий Быхов. За его плечикам змеился на острове Хейса и не первый дрейф на станциях «СП». И он лучше всех представлял всю сложность предстоящей работы во льдах.

Собрание самой северной перичной комсомольской организации.

Мы промечтали, но каждый думая о том же. 7 ноября 1969 года над нашим островом поднялся красный флаг. Ономаков (он же астроном) Вадим Углов определял координаты станции. Анатолий Воробьев выпустил строну оранжевого радиозонда, тотчас же исчезнувшего во тьме. Метеоролог Виталий Прозоров записал в новую книгу показания давления, влажности, температуры. Валерий Кривошеин передал Большой земле первые данные. Было всего тридцать градусов мороза, падал снег, словно осыпалось исчезнувшее небо, и дун уверенный жюный ветер. Мы думали о той удивительной точке — Северном полюсе, где ветер всегда южный, где все стены твоего дома обращены к югу, где самый край Крайнего Севера.

Первое комсомольское собрание мы провели в начале дрейфа. Секретарем самой северной первичной организации избрали Борю Ремеза. Вместе со всей комсомольской страной члены нашей экспедиции участвовали в Ленинском зачете, во Всесоюзном комсомольском собрании. В день рождения Ильича, 22 апреля 1970 года, наша первичная организация стала больше: в члены комсомольца приняли повара станции Ванию Дондукова. Рекомендацию ему готов был дать каждый. В трудные дни Валентин проявил себя настоящим полководцем. Впрочем, это я могу сказать о каждом из своих товарищей.

Первой проверкой для нас, самообразованного экипажем на прочность коллектива являлся забег, происшедший в ночь с 4 на 5 января 1970 года.

Разбудили нас «орудийные» залпы — со страшным грохотом ломались льды. Сначала океан проглотил гидрологическую палатку. В зенит разлома попала и одна из наших собак. Она бежала по шкелещущему, словно живому льду, падала в воду и снова взбиралась на лед... А океан уже вел штурм нашей льдины с двух сторон. Вторую атаку он обрушил на главный лагерь. Ночь, взрывы, скрежет, зов и шипение льда. И не зная, куда пойдет трещина дальше. Вот уже ушла под воду хозяйственная палатка, исчезла часть горюче-смазочных материалов, пошли ко дну шлюп и баллоны с газом. Разлом подбирался к продовольственной палатке. Нескольну щипоча упало в воду, но мы успели быстро перенести продукты в безопасное место. Хотя где оно, это совсем безопасное место! Новые трещины могли возникнуть повсюду. Несколько тонна подра, не отдавая ни минуты, боролись мы за дальнейшее существование станции. И по-прежнему вели научные наблюдения и так же аккуратно, не пропуская ни одного сеанса, передавали данные Большой земле.

Через сутки мы увидели, что льдина с нашей лагерем отделилась от основного ледяного острова и дрейфует самостоятельно. Теперь она была не столь внушительна — всего полтора километра длиной. Но главное, что аэродром и основные запасы горючего остались на другой половине. Решено было перебраться туда. С помощью вертолета в течение двух недель перенесли мы поближе к аэродрому свое хозяйство:

домик, палатки, оборудование, запасы продовольствия и топлива. И никто не ныл, никто не испугался, никто не потребовал возвращения домой. Через два месяца, когда появилось солнце, я еще раз обошел наш остров. По краям его лежали перевернутые, искрошенные льды со следами донных отложений. Этот край был некогда центром лагеря.

Потом, когда сообщением о разломе льдины появились в печати, нам передали письмо от двух братьев-кузнецов из одного южного села: «Слышали мы, что льдина ваша расщеливается и вы не сможете даже попасть с одной части лагеря на другую. Мы долго думали над проектом устройства стягивающего льды. Высылаем чертёжик. Над письмом не смеялись».

Наши комсомольцы устраивали веселые конкурсы, концерты, праздники. На всю жизнь запомнил я свой тридцатый день рождения. Никогда еще не отмечал его так весело. Подарками были и стихи, и песни, и даже кавказские танцы. А потом Большая выманила приют. Только собралась долить его, слышу, кто-то за стеной ходит. Выглянули — медведь, а дальше, у метеостанции, — еще и еще. Медведи нас посещали не часто. Правда, один чуть не угодил в наш колодец, пытаясь в палатку пролезть. Да, был у нас настоящий колодец. Обычно зимовщики запасают воду зимой: пилит простой ивиновой снег и складывают его штабелями в лагерь. Мы же просто пробрили небольшой колодец, опустили в него мощную электролампу, и она круглосуточно топи-

ла лед. Лед был пресный. Это еще раз подтвердило догадки ученых, что наш остров — осколок большого ледника.

В последний день апреля мела пурга, ветер похлился в окна, дрожали стены, наобло звенели тросы антенн. Ночью на комсомольском собрании решили выйти на демонстрацию во что бы то ни стало в один час с москвичами. Готовили плакаты, транспаранты, составляли футбольные команды и меню праздничного обеда. А утром пурга неожиданно прекратилась и выглянуло все еще холодное, но чистое солнце.

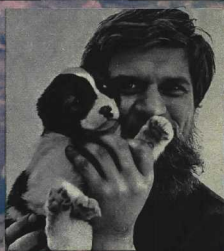
29 октября 1970 года, в день рождения комсомола, мы вернулись на материк. Нас тут же пригласили на торжественное заседание Тиксинского райкома комсомола. В зале сидели люди, которых я хорошо знал, потому что почти четыре года был секретарем этого райкома. И когда ребята попросили рассказать о дрейфе, у меня было такое чувство, что я отчитываюсь, отчитываюсь за каждый день, прожитый во льдах океана.

360 дней мы провели на льдине. Многие из них походили друг на друга: наблюдения, вахты, дневники, доклады. Но не было ни одного скучного дня, ни одного дня, даже самого трудного, который бы мне захотелось вычеркнуть из своей жизни.

И сейчас нам не до отдыха. Надо обработать, систематизировать и обобщить массу научных данных, полученных во время дрейфа. И, конечно, у каждого из моих друзей своя планка на будущее. Почти все они связаны с Арктикой.

Лаборатория, как на материке.

Полярники.

«Ледовашки».

АПРЕЛЬСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ

1. «ИЗВЫРШЕНО ВЪ БЪЛГАРИЯ!»
2. СОПЕРНИЦА КОМПЬЮТЕРА
3. С КРОКОДИЛОМ ЗА ПЛЕЧАМИ
4. СКОЛЬКО НА ЗЕМЛЕ ЗЕМЛЯНИ!
5. КРУПП ПЕРЕД ТРИБУНАЛОМ
6. «ДОРО» — ЗНАК КАЧЕСТВА
7. В «БЕССМЕРТИИ» ОТКАЗАНО
8. СКОЛЬКИЙ ГУМАНИЗМ
9. ВХОД ДЛЯ ИНДУСТРИАЛЬНЫХ БАРОНОВ
10. ГОД СРЕДИ ОТВЕРЖЕННЫХ
11. МОСТ ПОД ВОДОЙ

С каждым годом растет слава болгарских промышленных изделий. Марка «Извыршено в България» — «Сделано в Болгарии» — известна по всему миру.

«Двадцать золотых медаль заведены на международных ярмарках и выставках машина фирмы «Валканар» — электронаги, авторам электротехники. Они экспортируются более чем в 60 стран. Нормальные стандарты, проверенная преимущественно электронная как средства перевозки груза на малые расстояния, утверждают: «В мире есть две фирмы, которые могут поставлять электронаги — американская «Кавар» и болгарская «Валканар». Мы отдаем предпочтение болгарским машинам, поскольку у них явное преимущество — предохранительные устройства».

Молодой инженер Александр Вилчев разработал метод защиты покрытия электродов из металлурии, при котором их изнашивание уменьшается на 30 процентов. Метод с высоким качеством и прирост изобретением в 28 странах, в Англии уже куплена патент на него.

Сотрудники Пловдивского научно-исследовательского института пищевой промышленности Мини Бафчиев, Любомир Гечев и Пастиди Климов создали оригинальную машину очистки моршор, которая уже дала отличные результаты при очистке в любых условиях. Очистка ведется посредством вакуума — это новое в мировой практике. После бланширования в течение тридцати секунд помидоры помещаются в вакуум, где происходит кипение воды под тонкой пленкой. В течение парового взрыва юмора отделяется. Новая машина обрабатывает 15 тонн плодов в час, она пригодна для очистки помидоров всех сортов. «БОЛГАРИЯ»

Случай, когда АКАИ за поразительно короткое время могли производить в уме сложнейшие математические вычисления, не так уж редки. Чаше они используются своей природой для наступательных действий перед публикой, даже не пытаясь применить его в науке.

Потому истории 40-летней жительницы Ивана Шакутаа Деви особенно примечательна. Это человек с ослепшими математическими познаниями, она окончила соответствующий факультет, является научным работником, знакома со многими известными учеными. Еще в 1953 году Шакутаа Деви несколько раз встречались с коллегой по профессии, известным Альбертом Эйнштейном, который был поражен ее математическими способностями. «Это же настоящая электроно-вычислительная машина!» — воскликнул прославленный ученый.

«Процесс вычислений для меня протекает чрезвычайно просто», — говорит сама Шакутаа Деви. Еще даются последние условия задачи, а в моем мозгу уже появляется результат. У меня такое чувство, будто разум при этом не функционирует, хотя это, разумеется, не так, ибо после любой сложной математической операции я очень устаю. В таких случаях мне требуется специальный режим отдыха...»

Дабы проверить способности женщины-феномена, ученые разных стран устраивали г-же Ш. Деви составные из компьютерами. В 1961 году в Бейруте (Ливан) она победила два лабораторных компьютера, а через год в Дурбане (ЮАР) провела сложнейшую операцию на шесть секунд быстрее, чем ЭВМ стоимостью в миллион долларов.

У себя на родине Шакутаа Деви нередко проверяет баласы банков, данные государственной

статистики, различные предложения заключают с ней договора на решение задач, которые под силу лишь электронным устройствам.

«ЭНДИ», ИНДИИ

3.

На полуострове Савата, в самой большой лагуне Эль-Эсмер, расположен Национальный заповедник Куом. Где в восьми гудках тропика на голубой сити деревьев, обитает и размножается тысяча крокодилов.

Еще недавно этим пресмыкающимся грозило вымирание, поскольку отшельники их бесконтрольно. В 1960 году Национальный научно-исследовательский центр Куом приступил к обширной программе исследований и крокодилы питомцев. Сегодня крокодилы выносятся там не только в естественных условиях, но и в инкубаторах. Особенно большое значение уделяется вторичному выводу, ибо он помогает наиболее эффективно проводить биологические исследования, в частности изучение всего оборонительного процесса. Судя по всему, никто в мире подобной работы не проводился.

А в пятидесяти километрах от лагуны Эль-Эсмер расположена деревушка Маньяеро. Вокруг нее — густые топи, джунгли заросли, где на свободе обитает крокодилы. Местные крестьяне охотятся на них, когда боится высыхают, а иногда и в первой дождь — с дождя. Охота на суше интереснее, так как ей предшествует охота с собаками на бабонг, чья мясо идет на приманку. Бужки жаса подползают на большой высоте от земли, крокодил спешит на запах, словно затиняющийся. В этот момент на него нацеливают пистолет. Газельевое чудце бросятся на стороны в сторону, но один из охотников кричит ему на спину и с силой надавливает на лапы, после чего крокодил сразу затихает. Другой охотник криком свистывает крокодила лавы и человек а охоту пресмыкающегося кивает тушу себе на спину... «КУБА»

счет населения проводится сейчас или будет начат в скором времени.

Специалисты утверждают, что точные данные о количестве людей в населенных землицах получить невозможно (существует немало труднодоступных местностей в Габоне, Азии, Африке) и что повороты переписи мировой плюс-минус 5 процентов. Но если вспомнить, что по подсчетам ООН, в 1959 году население планеты составляло 3,552 миллиарда человек, то эти пять процентов составят... 180 миллионов.

Перенос населения страны, как мы уже знаем, не так прост, как сообщением древнеазиатских хроник, в 2255 году до н. э. Перемещивались, в государствах Индия и Древнем Риме. Впрочем, трудно говорить об их научной точности. Первая официальная перепись населения состоялась в 1660 году во Французской Канаде.

Назав искомого интереса к демографии в наши дни даже школьный знает, что за минуту 30 лет человечество удавилось, хотя рост населения на разных континентах неравномерен, с середины XVII века до начала XX столетия в этом отношении шло было Европа, сегодня же лидирует Азия, Африка и Южная Америка. На за последние десятилетия то к 2000 году население планеты достигнет отметки миллиарда.

Едва ли не самого возмущенного пресказаниями «прогноза» о грозящих переизменениях планеты, которую использует сегодня империалистическим силами для оправдания агрессивных войн, генциода Дит д.

Да, проблема голода существует и в наши дни. По самым приблизительным данным, около 600 миллионов человек (из них 20 миллионов — в развивающихся странах) испытывают недостаток в питании (калорийности мира) е получают достаточного питания. Однако причина отчаяния не в количестве земли. Земля сегодня хватать во всем. При нынешнем уровне сельского хозяйства на земле можно бы прокормить свыше 13 миллиардов человек. Империями, обремененной массы на ничтож... Выходом того, что свыше одного миллиарда человек на Земле голодадут. «НАНОРАМА», ПОЛЬША

4.

В штаб-квартире ООН, на берегу Ривер в Нью-Йорке, комьютеры, как говорится, работают на больших оборотах подчиняются колоссальной нагрузке нашей планеты. С начала прошлого года в электронно-вычислительную технику уже заложена информация о результатах переписи населения в США, Индии, Японии и других странах, однако лишь в 1974 году компьютеры получат подобную информацию о переписи еще в 230 странах, где под-

На долготой трибуны — огромные буквы: «Крупн перед трибуналом СПР» (Социалистический коммунистический рабочий фронт). — Прим. перекл. «Рабочая молодежь против Монголии!» — на знамене брошюры, которая массово распространяется среди учащихся и студентов. Особое внимание молодежи судьи над крупными вычислениями. — «Судьям не надо стращать важной формой борьбы СПР».

Материалы перепечатываются с сокращениями или в изложении.

Крупной акцией в рамках этой борьбы является движение в защиту прав молодежи, овладевающей рабочими специальностями. В ФРГ 1,2 миллиона таких учеников, чье производственное обучение построено по принципу: «Работать — да, думать — нет!». 40 процентов преподавателей — женщины, а ученики, поступившие в 1968 году в стране было зарегистрировано свыше 50 тысяч нарушителей закона об охране условий труда молодежи на производстве (чаще всего это насалося медицинское контроля и продолжительности рабочего дня). Только 1 сентября 1968 года существовали в Германии еще (1) лет законы о производственном обучении молодежи был введен новый, более строгий, унифицированный еще-больше беззастенчиво по сторонам предпринимателей и еще большие бестрашие учеников.

Но почему всел в акссисном судом рабочей молодежи над Крупной и другими монополиями СИРМ провела аналогичное мероприятие в Тамбурге (Болонг). «Мы требуем производственного обучения для 2000 годов», Кельне-Дюдинксхафене и других городов ФРГ. «Наша борьба за улучшение производственного обучения молодежи есть классовая борьба» — говорит председатель Федеральное комитета СИРМ Рольф-Юрген Гриммер.

«УЗЕРЕ ПАНТ», ФРГ

должны находить ответы на вопросы оверенного конкурсу с помощью асологической литературы (же список вывешивается в цехах), с помощью опытных мастеров. Конкурс предусматривает премии и для рабочих и для мастеров, подлежащих награждению. Так возник самоконтроль на предприятиях, так благодарности и премии стали главным экономическим стимулом.

Разумеется, система «ДРО» предусматривала одновременно большое количество технических усовершенствований, рационализацию производства, улучшение условий труда. Фабрика, расположенная в Вьадгономском воодстве, которое не имеет традиций текстильного производства, преодолела и опасный негод новострой — текучесть кадров. Метод «ДРО» ускорила процесс стабилизации молодого коллектива и превращения вечерних учеников в рабочих современного промышленного предприятия.

«ПОЛЬСКОЕ ОБЗОРИНИЕ»

Партуре достоин парировала выходы. Когда кто-то сестрин, что она будет смешно выглядеть в традиционной костюме академиком — черная с зеленым ошейник и треугольная шляпа, — она отряхнула. «Удивительно, как это мужчины только и знают, что говорить о женщинах».

Наступил день голосования. За Франсуазу Партуре был подан один голос. Большинство голосов в андедулю избрал эссистет и ипользователь Поль Натале.

«НЬОСУИК», США

8.

По распоряжению федерального правительства США группа специалистов вот уже несколько лет ведет итисисные исследования в области «несмертельного оружия», которое тем не менее называли могли бы показывать мощь америкисной армии, участвующей наряду с польсискиими силами в поселении демонстраций в стране.

Упомянутые специалисты уже предлакают первые опыты сокращенной лодки, которая давно использует деревянные пули, гранаты, напильные параллелюющие вещества, раскрываюиет скользящий пен.

Впрочем, пока идут эти исследования, национальные гвардейцы в США стреляют по демонстрациям обывкисными пулями, и число жертв растет.

«ТАИМ», США

9.

Дверь в сокращенную Японского банка. Войти сюда могут немисие. О них в свое время писала лондонская газета «Таймс»: «Крупные бизнесмены и индустриальные бароны (в большинстве своем отставные государственные чиновники, играющие особую роль в современной Японии) собрали в 1970 году так называемый «Генеральный хозяйственный штаб» страны. Они не принимают никаких политических решений, но ни одно японское правительство не рискует было игнорировать «штаб», ибо эти люди контролируют мотор национальной экономики и определяют те рамки, в которых приходится так или иначе двигаться государственные постановления».

Около пятисот крупнейших фирм Японии, объединенных так называемый «Союз японских работодателей» («Кэйаинзэн»), собрали свой «штаб», в руках которого скажисе и от японской страны и от этих чудовищных обверей Японского банка...

«НИВ», ГДР

Англиские инженеры получили одну из первых претиски итальянского правительства за претискию через Мессинский пролив. Ширина пролива, разделяющего Италию и Сицилию, — 3 километра. Англиские предломили построит подводный мост на стали и бетоне. Это связя из трех труб (одна для железнодорожного сообщения, две другие — для автомобильного), которая удерживается якорями на глубине 50 метров под водой. Такой мост не будет претискивать судоходства в проливе. У сицилсиского и итальянского берегов мост будет заканчиваться подземными туннелями длиной около 500 метров каждый. Идея туннеля под морским дном была отвергнута с самого начала, так как глубина Мессинского пролива достигает местами 350 метров. К тому же неравильно строить подземные пути сообщения в этом районе весьма повышенной сейсмической активностью.

У подводного моста есть и другие преимущества. Он не подвержен действию ветров, не испытывает напруги под влиянием дневной температуры; море — отличный терморегулятор.

«НЬО САЛЕНТИНТ», АНГЛИЯ

«УЗЕРЕ ПАНТ», ФРГ

«ПОЛЬСКОЕ ОБЗОРИНИЕ»

«ТАИМ», США

«НИВ», ГДР

«НЬО САЛЕНТИНТ», АНГЛИЯ

«УЗЕРЕ ПАНТ», ФРГ

«ПОЛЬСКОЕ ОБЗОРИНИЕ»

«ТАИМ», США

«НИВ», ГДР

«НЬО САЛЕНТИНТ», АНГЛИЯ

«УЗЕРЕ ПАНТ», ФРГ

«ПОЛЬСКОЕ ОБЗОРИНИЕ»

«ТАИМ», США

«НИВ», ГДР

«НЬО САЛЕНТИНТ», АНГЛИЯ

«УЗЕРЕ ПАНТ», ФРГ

«ПОЛЬСКОЕ ОБЗОРИНИЕ»

«ТАИМ», США

«НИВ», ГДР

«НЬО САЛЕНТИНТ», АНГЛИЯ

«УЗЕРЕ ПАНТ», ФРГ

«ПОЛЬСКОЕ ОБЗОРИНИЕ»

«ТАИМ», США

«НИВ», ГДР

«НЬО САЛЕНТИНТ», АНГЛИЯ

«УЗЕРЕ ПАНТ», ФРГ

«ПОЛЬСКОЕ ОБЗОРИНИЕ»

«ТАИМ», США

«НИВ», ГДР

«НЬО САЛЕНТИНТ», АНГЛИЯ

«УЗЕРЕ ПАНТ», ФРГ

«ПОЛЬСКОЕ ОБЗОРИНИЕ»

«ТАИМ», США

«НИВ», ГДР

«НЬО САЛЕНТИНТ», АНГЛИЯ

«УЗЕРЕ ПАНТ», ФРГ

«ПОЛЬСКОЕ ОБЗОРИНИЕ»

«ТАИМ», США

«НИВ», ГДР

«НЬО САЛЕНТИНТ», АНГЛИЯ

«УЗЕРЕ ПАНТ», ФРГ

«ПОЛЬСКОЕ ОБЗОРИНИЕ»

«ТАИМ», США

«НИВ», ГДР

«НЬО САЛЕНТИНТ», АНГЛИЯ

«УЗЕРЕ ПАНТ», ФРГ

«ПОЛЬСКОЕ ОБЗОРИНИЕ»

«ТАИМ», США

«НИВ», ГДР

«НЬО САЛЕНТИНТ», АНГЛИЯ

«УЗЕРЕ ПАНТ», ФРГ

«ПОЛЬСКОЕ ОБЗОРИНИЕ»

«ТАИМ», США

«НИВ», ГДР

«НЬО САЛЕНТИНТ», АНГЛИЯ

«УЗЕРЕ ПАНТ», ФРГ

«ПОЛЬСКОЕ ОБЗОРИНИЕ»

«ТАИМ», США

«НИВ», ГДР

«НЬО САЛЕНТИНТ», АНГЛИЯ

«УЗЕРЕ ПАНТ», ФРГ

«ПОЛЬСКОЕ ОБЗОРИНИЕ»

«ТАИМ», США

«НИВ», ГДР

«НЬО САЛЕНТИНТ», АНГЛИЯ

«УЗЕРЕ ПАНТ», ФРГ

«ПОЛЬСКОЕ ОБЗОРИНИЕ»

«ТАИМ», США

«НИВ», ГДР

«НЬО САЛЕНТИНТ», АНГЛИЯ

«УЗЕРЕ ПАНТ», ФРГ

«ПОЛЬСКОЕ ОБЗОРИНИЕ»

«ТАИМ», США

«НИВ», ГДР

«НЬО САЛЕНТИНТ», АНГЛИЯ

«УЗЕРЕ ПАНТ», ФРГ

«ПОЛЬСКОЕ ОБЗОРИНИЕ»

«ТАИМ», США

«НИВ», ГДР

«НЬО САЛЕНТИНТ», АНГЛИЯ

«УЗЕРЕ ПАНТ», ФРГ

«ПОЛЬСКОЕ ОБЗОРИНИЕ»

«ТАИМ», США

«НИВ», ГДР

«НЬО САЛЕНТИНТ», АНГЛИЯ

«УЗЕРЕ ПАНТ», ФРГ

«ПОЛЬСКОЕ ОБЗОРИНИЕ»

«ТАИМ», США

«НИВ», ГДР

«НЬО САЛЕНТИНТ», АНГЛИЯ

«УЗЕРЕ ПАНТ», ФРГ

«ПОЛЬСКОЕ ОБЗОРИНИЕ»

«ТАИМ», США

«НИВ», ГДР

«НЬО САЛЕНТИНТ», АНГЛИЯ

«УЗЕРЕ ПАНТ», ФРГ

«ПОЛЬСКОЕ ОБЗОРИНИЕ»

«ТАИМ», США

«НИВ», ГДР

«НЬО САЛЕНТИНТ», АНГЛИЯ

«УЗЕРЕ ПАНТ», ФРГ

«ПОЛЬСКОЕ ОБЗОРИНИЕ»

«ТАИМ», США

«НИВ», ГДР

«НЬО САЛЕНТИНТ», АНГЛИЯ

«УЗЕРЕ ПАНТ», ФРГ

«ПОЛЬСКОЕ ОБЗОРИНИЕ»

«ТАИМ», США

«НИВ», ГДР

«НЬО САЛЕНТИНТ», АНГЛИЯ

«УЗЕРЕ ПАНТ», ФРГ

«ПОЛЬСКОЕ ОБЗОРИНИЕ»

«ТАИМ», США

«НИВ», ГДР

«НЬО САЛЕНТИНТ», АНГЛИЯ

«УЗЕРЕ ПАНТ», ФРГ

«ПОЛЬСКОЕ ОБЗОРИНИЕ»

«ТАИМ», США

«НИВ», ГДР

«НЬО САЛЕНТИНТ», АНГЛИЯ

«УЗЕРЕ ПАНТ», ФРГ

«ПОЛЬСКОЕ ОБЗОРИНИЕ»

«ТАИМ», США

«НИВ», ГДР

«НЬО САЛЕНТИНТ», АНГЛИЯ

«УЗЕРЕ ПАНТ», ФРГ

«ПОЛЬСКОЕ ОБЗОРИНИЕ»

«ТАИМ», США

«НИВ», ГДР

«НЬО САЛЕНТИНТ», АНГЛИЯ

«УЗЕРЕ ПАНТ», ФРГ

«ПОЛЬСКОЕ ОБЗОРИНИЕ»

«ТАИМ», США

«НИВ», ГДР

«НЬО САЛЕНТИНТ», АНГЛИЯ

«УЗЕРЕ ПАНТ», ФРГ

«ПОЛЬСКОЕ ОБЗОРИНИЕ»

«ТАИМ», США

«НИВ», ГДР

«НЬО САЛЕНТИНТ», АНГЛИЯ

«УЗЕРЕ ПАНТ», ФРГ

«ПОЛЬСКОЕ ОБЗОРИНИЕ»

«ТАИМ», США

«НИВ», ГДР

«НЬО САЛЕНТИНТ», АНГЛИЯ

«УЗЕРЕ ПАНТ», ФРГ

«ПОЛЬСКОЕ ОБЗОРИНИЕ»

«ТАИМ», США

«НИВ», ГДР

«НЬО САЛЕНТИНТ», АНГЛИЯ

«УЗЕРЕ ПАНТ», ФРГ

«ПОЛЬСКОЕ ОБЗОРИНИЕ»

«ТАИМ», США

«НИВ», ГДР

«НЬО САЛЕНТИНТ», АНГЛИЯ

«УЗЕРЕ ПАНТ», ФРГ

«ПОЛЬСКОЕ ОБЗОРИНИЕ»

«ТАИМ», США

«НИВ», ГДР

«НЬО САЛЕНТИНТ», АНГЛИЯ

«УЗЕРЕ ПАНТ», ФРГ

«ПОЛЬСКОЕ ОБЗОРИНИЕ»

«ТАИМ», США

«НИВ», ГДР

«НЬО САЛЕНТИНТ», АНГЛИЯ

«УЗЕРЕ ПАНТ», ФРГ

«ПОЛЬСКОЕ ОБЗОРИНИЕ»

«ТАИМ», США

«НИВ», ГДР

«НЬО САЛЕНТИНТ», АНГЛИЯ

«УЗЕРЕ ПАНТ», ФРГ

«ПОЛЬСКОЕ ОБЗОРИНИЕ»

«ТАИМ», США

«НИВ», ГДР

«НЬО САЛЕНТИНТ», АНГЛИЯ

«УЗЕРЕ ПАНТ», ФРГ

«ПОЛЬСКОЕ ОБЗОРИНИЕ»

«ТАИМ», США

«НИВ», ГДР

«НЬО САЛЕНТИНТ», АНГЛИЯ

«УЗЕРЕ ПАНТ», ФРГ

«ПОЛЬСКОЕ ОБЗОРИНИЕ»

«ТАИМ», США

«НИВ», ГДР

«НЬО САЛЕНТИНТ», АНГЛИЯ

«УЗЕРЕ ПАНТ», ФРГ

«ПОЛЬСКОЕ ОБЗОРИНИЕ»

«ТАИМ», США

«НИВ», ГДР

«НЬО САЛЕНТИНТ», АНГЛИЯ

«УЗЕРЕ ПАНТ», ФРГ

«ПОЛЬСКОЕ ОБЗОРИНИЕ»

«ТАИМ», США

«НИВ», ГДР

«НЬО САЛЕНТИНТ», АНГЛИЯ

«УЗЕРЕ ПАНТ», ФРГ

«ПОЛЬСКОЕ ОБЗОРИНИЕ»

«ТАИМ», США

«НИВ», ГДР

«НЬО САЛЕНТИНТ», АНГЛИЯ

«УЗЕРЕ ПАНТ», ФРГ

«ПОЛЬСКОЕ ОБЗОРИНИЕ»

«ТАИМ», США

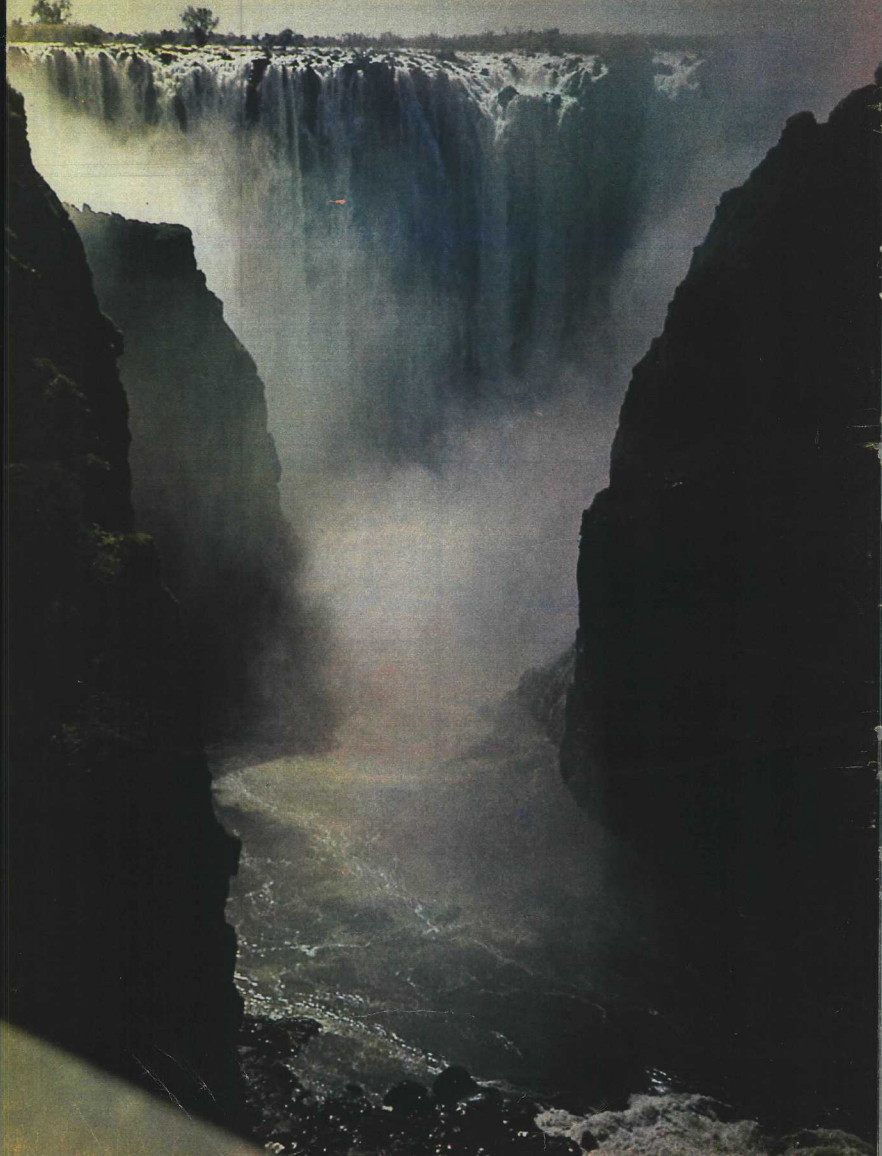
«НИВ», ГДР

«НЬО САЛЕНТИНТ», АНГЛИЯ

«УЗЕРЕ ПАНТ», ФРГ

«ПОЛЬСКОЕ ОБЗОРИНИЕ»

</

Африка вернулась в наш самолет зарпото до того, как под его крылом поплыли крыши домов и купола мечетей Каира. Она предстала перед нами еще в Шереметьеве в образе пестрой юнланин вельветых парней, у которых на лацканах пиджаков сверкали новенькие университетские ромбиком.

«Батюшки вы мои!» — то и дело восклицал в самолете подвыпивший студентский паренек — выпускник Бауманского, потешивший с дипломом инженера на свой родной остров Маврикий (на крупномасштабной карте — точка с булавочную головку, затерявшаяся в просторах Индийского океана).

«Та мн все з Києва!» — представлял получкиком группу выпускников Киевского университета огромный силач-негр в вышитой рубашке, делавший его похочим... ну, ай-бюгу, на заповороща.

Их ждали на всем протяжении нашего пути от Каира до Луезии, их встречали как национальных героев, приезжая для этого в аэропорты целыми семьями и даже деревнями. Под крышами приземлистых аэровокзалов, битком набитых родственниками и земляками, слышались радостные возгласы взрослых и визг ребятишек, едва на бетонное поле Хартума или Энтеббе, Найроби или Дар-эс-Салама спускались по трапу шоколадные пары с ромбиком в петлицах. Даже чинные полицеские

Павел МИХАЛЕВ, фото автора

ВАСЯ КИЛДИМАИДЖАРО И ЕГО ТОВАРИЩИ

расплывались в белоснежных улынках, приятельски похлопывая по плечам дипломированных соотечественников.

И на каждой промежуточной остановке вместе с нами эти трогательные сцены наблюдал молодой африканец, который, как и мы, не мог сдерживать улыбки, хотя глаза его хранили заперевешую грусть. На его груди не золотился университетский значок, и до конца рейса его никто не приветствовал в аэропорту.

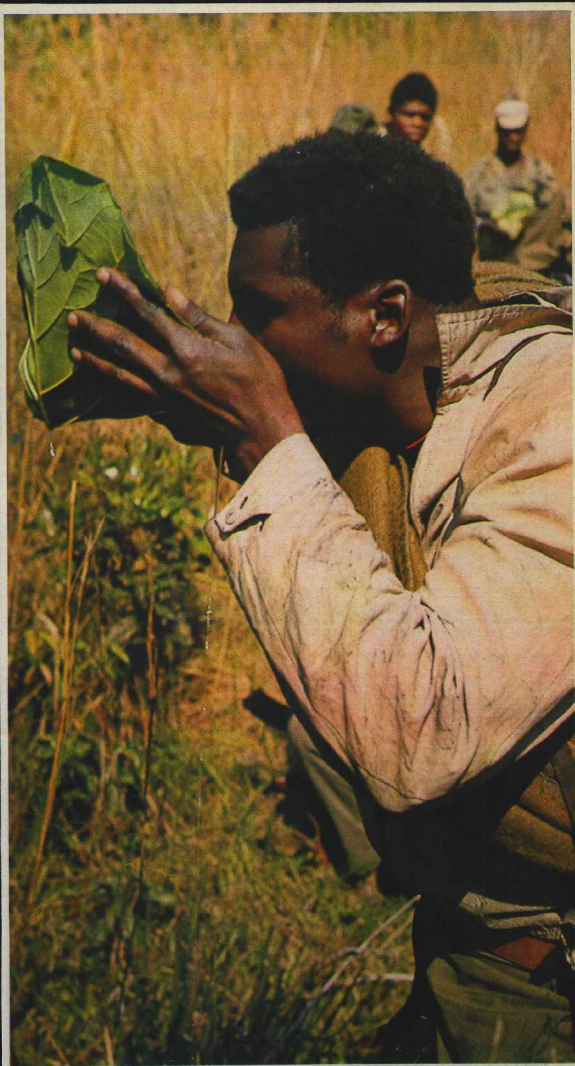
Но этот юноша тоже прошел курс наук в Советском Союзе. Он был из сражающейся Анголы. Теперь он летел домой, в свой партизанский отряд.

Вся журналистская группа, состоявшая из специальных корреспондентов «Правды» и «Известий» — Ольга Игнатъева и Анатолий Ниналороза, кинооператор Центрального студия документальных фильмов Юрия Егорова и Владимира Комарова и автора этих строк, — еще в начале пути познакомилась с молодым ангольским партизаном. Мы были первыми советскими людьми, посетившими в его страну, и вопросы сыпались на нашего собеседника с пяти сторон. Он успел немало рассказать к концу более чем двадцатичасового полета, когда иллюминаторы с одного борта заволокли ослепительная снежная корона Килдимаиджаро.

— Мало кому известно, что Ангола — первая

Река Замбези, Водопад Виктория, Символы Африки, знакомые еще по школьной географии.

После долгого перехода...

КОРОТКИЕ РАССКАЗЫ

МИГ

Девочка о чем-то задумалась, да так коротко и огрешно, что даже просветела в своем коротком одиночестве. Одна рука лежит на ограде сада, как тигр хрипло, другая опущена вниз, истороженная, с длинными вытянутыми пальцами. А мимо течет улица, безразличная, спешащая, идущая в первый легкий снег. Улица устремлена в своем движении вперед и не замечает этого странного островка, где время остановилось неморгающими глазами, чтобы разглядеть в удивлении обыкновенный, словно тающий в полете свет. Он, как упряжающая подкова, летит на свет.

Девочка похожа на обезьяну в коричневой вязаной шапочке, коротком пальтишке с ослепшими вымученными пуговицами и взрослыми морщинами на широком лобике, завязанной челке. Ее неподвижность безразлична, словно приносила она и древней задумчивости сада, заселенной опущенными хлопьями, пропавшая и вот уже не может оторваться, чтобы перебраться намокшую улицу, где ждет ее пуготы, как лукава, продох в отголосках подворотнями. А высоко по поднебесье разбросаны свежими змиинки охлупами облака. Там рождается снег, но, прояснившийся в воздухе, он будто погасает у земли, а облака все так же холодно перекашивают в отчужденном небе, равнодушные и далекие, как всякая неразбавленная жизнь.

Что поразило девочку у отъезда сада? Отчего замерла она? Ведь бежала же, все следы в детской бессмысленности — куда? зачем? — да так просто, свободно. И в путь...

Продлись, миготели! В первый раз я присутствую при рождении пространства. Оно почти неуловимо, воздушно, как скользкая по лицу лупина.

И как краснея сейчас девочка с остановившимися глазами тишины. Ей все равно, куда торочится улица через оживленный миг. Девочка заглянула в глубокий колодезь, и у нее закружилась голова.

ВОСПОМИНАНИЯ

Первое, что я помню, это корыто с лохмотьями, задушевшейся мыльной пеной. Я сижу в нем голышечки, стучу по воде руками, а мать сливает с новинки мне на голову, что-то приговаривая. Мне странно перед бесконечно падающей на глаза водой, я захлебываюсь и рену в голос, щипающиеся намертво в края корыта. Мало щиплет в носу, и я злится, не вижу от впервые испытываемого ужаса погребли. А потом мать завертывает меня в чистую необуванную простыню, вкусно пахнущую сплес-

наем и покоем. Эта нит с чем не сравнимая благодать обнимает меня локтем, и я с удовольствием болтаю ногами.

Еще помню болышню и больших крыс, мезуцихся подле постели, странно вырвавшихся, нет, будто залетавших и грузно скользящих по одежду. Они азартно ухватывают об пол, выхватывают и совершают круговой танец. На мой крик бесцельно появляется сестра Лиля, она заглядывает под кровать, за тумбочку, убеждая меня в нелюбости испуганного шепота: «Там были крысы...» «У тебя жар, мальчишки!», — говорит Лиля. — Я не буду гадать тебе, ты уходишь. Почитай тебе пруттартевского мальчишка! Она мило касалась моего лба прохладной рукой, и я быстро забавлялся в глубоком сне под ее ровный, как шум трезуба, голос. Наступила зима, а утром я уже смеялся и лежал на хлебной ялиоте карликов, чтобы подарить грустную сестре Лилю. В полднее падало пыльным снегом. На тумбочке в прозрачной воде, насаженной свечечниками пухляками, стояли подожженники. Это утро, как вспышка, влетало в сознание.

И третье воспоминание. Снегу у утечи с соседской бабы Лупий. Она согласилась поехать со мной в тузем дом до трикота матери. У бабки Лупии книга толстая на коленях, очки на носу, перевязанные суровой ниткой. Она курит, и мне кажется, родинка на ее щеке шевелится, как пчела.

Про чего ты читаешь? — спрашиваю я, потому что молчать мне странно.

— Ох, про любовь. Ох, старинно!

— Разбойники, да?

— Чего, чего?

— Разбойники, — настаиваю я.

— Не-не, любовь. Ты еще неграмотный. Сиди и дыши. Помалкивай.

Обидела меня баба Лупа. Я хочу за ее спиной, но она и не думает оборачиваться. Тогда я решаю умереть и дожусь на диване вверх лицом.

— Руся! — зовет баба. — Руся, где ты?

Устаю, она меня так называет, а головы не поворачивает.

— Или заснул?

— А помираю, — говорю я как можно страдательнее. — А ты читай, читай.

— Непто помереть?

— Конечно, — подтверждаю я.

— И зареветь ты поешь?

Я радумываю, выжидаю, соплю.

— Аида, ставь. Попоешь.

Она напламывает булку вареньем, а я в самую щечкую подглядываю за ней.

— Помер никак, сама с сьем.

— Лядно жу, в другой раз поспею, — соглашаюсь я.

Я жу, а баба Лупа уже снова читает, и родинка поаает по ее щеке, как бескрылая пчела.

— Да, ехиванья — выдалает, — у тебя, глады, шевста будет, вы-занае. Выпродат сердце-то.

И отчего-то я звучит так ненаезно, так потрясает мое хрупкое существо, что я авторюю покриве глаза и даю слово не быть никогда зареветь, что-то старинные новости не выкрали моего бедного колодезского сердца.

ЛЫЖКА

Лыжня увидит далеко и ослепительному берегу реки. Он горит на солнце, точно чисто вырезанный айберг. Его свет кажется страшным. Морозно, хрупко, безветренно.

Когда-то и здесь уже был, на этой самой лыжке. По крайней мере осталось смутное воспоминание, глоток свежести, глоток ясности. Вот и сердце вырочуло.

Мно спущена бежит вперед, и снег едва выкрится за ней сухой сахарной пылью. Она и не останавливается на мезд, словно совсем забывает перед сиянием высокого берега. Ее притягивает оно, будто бы отступаясь все дальше и дальше, и она гонится за ним, собирая, как авеляция пружины. Толчок еще толчок...

Вот и, ехиванья — выдалает, — у тебя, глады, шевста будет, вы-занае. Просто с горы покатился ком снега, а подножья остановилась девушка и сказала:

страна африканского континента, ставшая жертвой европейских колонизаторов. Иисус с нею начался отчет кровавых преступлений иммигрантов западной цивилизации. Начался, но еще не кончился.

За пять веков своего колониального владычества Лисабон поставил народ Анголы на грань вымирания, физического и духовного. Одним из главных палачей африканской нации, как, впрочем, и собственной, стало фашистское диктаторство Салазара, превратившись на 83-м году своей преступной жизни. А средний возраст жителей Анголы исчисляется 23 годами. И только с трагедией злинок Осуванья или Мисондана может сравниться судьба детей в Анголе. 84 процента которых умирают до пяти лет от голода и болезней. Сквозь и свой народ средневековой инквизиции, салазаровская Португалия намеренно держала 99 процентов населения Анголы в глубоком невежестве и неграмотности.

Колониальная ночь продолжалась до 4 февраля 1961 года. Десять лет назад патриоты Народного движения за освобождение Анголы (МПЛА) подняли в столице Луанде восстание, нагна на первую, радостничато, военные назары. Эта первая атака была отбита колонизаторами, кото-

рые только в Луанде зверски убили три тысячи повстанцев. Но затем кровью палила революцию Лисабон был уже бессильн.

Сегодня на просторах Анголы идет национально-освободительная война, в ходе которой партизаны МПЛА одержали немало побед и освободили треть страны. Если бы не натиском колорадов, если бы не военный допинг со стороны расистской ЮАР (там прекрасно понимают, что после освобождения Анголы на повестку дня встанет вопрос о судьбе гонимых расистов в самом юге Африки), — Португалия не устояла бы в одиночку под ударами национально-освободительной революции. Ведь эта страна в 18 раз меньше Анголы, но ей, колониальной империи, по долгу и оскобленности ангольских мезд толпы алмазы, нефть, руду другие империалистические хищники. Муча африканский пирог, Лисабон ликвидирал дефицит своего платенного баланса, и ради этого он готов на все.

Зверства по примеру американцев в Индокитае, португальские каратели лютят на Анголу напало, ситувають деревни токсичными газами — пусть гибнут старики, женщины, дети, все жидко. Об этом говорил нам в Анголе председатель МПЛА Агостиньо Нето.

С именем этого легендарного человека связано в Португалии движение. Уроженец деревушки старшего унверситета Европы — Коимбра. Он принадлежал к движению, в 1947 году на средства, собранные рабочими Луанды, смог поехать в Португалию для учебы на медицинском факультете старшего унверситета Европы — Коимбра. Но прежде чем приехать домой дипломатическим хирургом и вернуть многократному народу свою долг перед ним, Агостиньо Нето прошил и судьбу суверенитета салазаровской охранки, которая дважды бросала его в тюрьму.

Возвратившись на родину молодой врач Агостиньо Нето становится одним из авторов манифеста МПЛА, провозгласившего: «Есть только один путь — освобождение — революционная борьба». Его руки держат не только хирургические скальпели, но и поэтическое перо: стихи Агостиньо Нето, как «Черная мгла», неграмотный народ Анголы, как мы слышали...

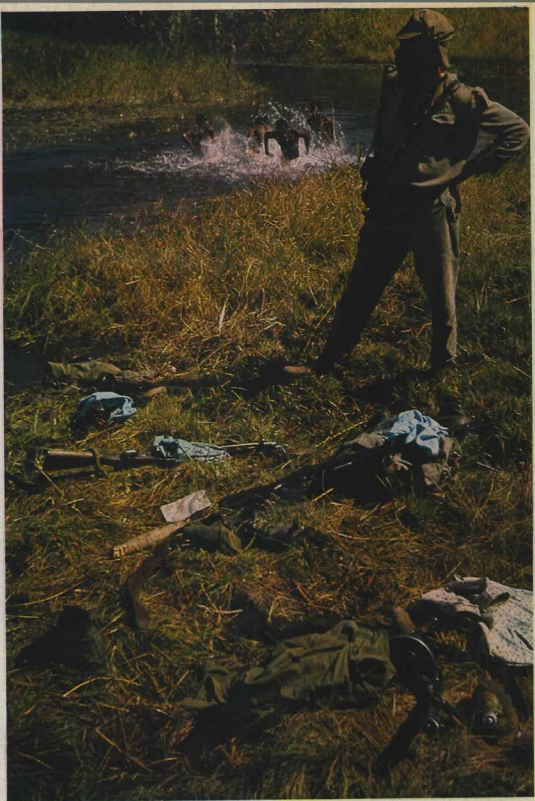
Шкиши Салазара вновь хватают патриота, вновь он за решеткой — на этот раз в мрачной лыжбонской темнице Алукуе. Выступивши на защиту своего и своего земляка Жозефино Иисусо, расстрелял карательный отряд колонизаторов, которые оставили груды телла на месте деревни.

В одном из освобожденных районов Анголы.

Человека по имени Хинда здесь знают и помнят все. Национальный герой Анголы погиб в борьбе с португальскими колонизаторами 14 апреля 1968 года.

Репорт командиру. Директор Центра революционного обучения тов. Моиса на занятиях с молодыми партизанами.

Относительное затишье. Можно искупаться. Но и тогда часовая на посту.

сторым, приехавшим. Не только материал для полнотинформационный черпал комиссар из радиоисточника. Каждый вечер ровно в шесть часов настраивался он на волну станции «Сражающаяся Ангола», которая ведет передачи из Дор-э-Салама. Взаполнованным голос женщины-диктора, допетавшая до партизанских джунглей, был голосом жены комиссара. Целый год уже не видел Жуниор ее и своих двух мальчишек, и эти «свидания» с семьей придавали ему силы и жденье. Был в нашем отряде и Василий Иванович. Так уважительно называют все бойцы народного героя Анголы, скромнейшего, мягкого, всегда улыбающегося человека, чье настоящее имя — Килиманджиро. Этот бывший сельский учитель в первом же бою один уничтожил 15 сапаяровцев. Вася Килиманджиро тоже прошел курс военных наук в нашей стране.

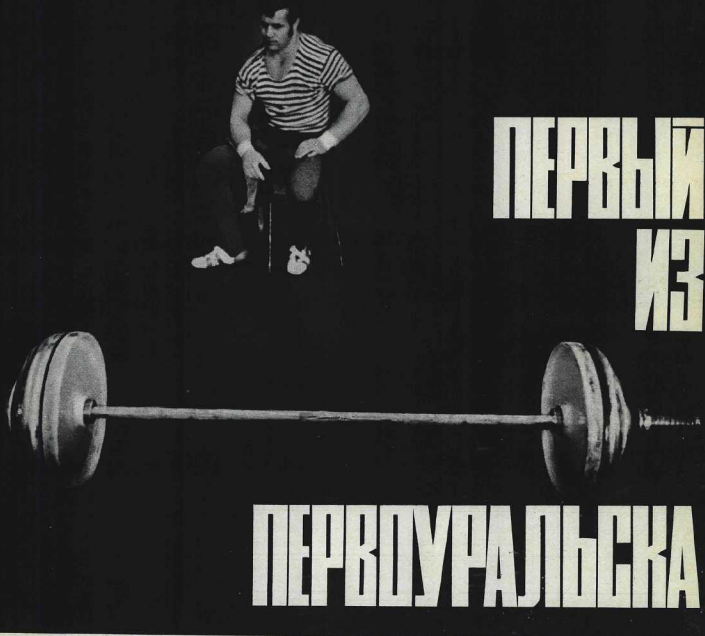
А вот 12-летний сын отряда — пионер Мозамбини — пока что лишь мечтает об учебе в СССР, и, разумеется, только в военном училище. Он столько раз убегал из школы-интерната, что командование, отчаявшись разрешить ему в порядке исключения остаться в отряде Дежабу. С тех пор они неразлучны — командир и пионер. Де-

жабу научил мальчишку стрелять из «ППШ», а он привлажал занимается с ним грамотой.

В конце нашего рейда, когда партизаны атаковали гарнизон португальского Форта Ивандо, состоявший из 150 колонизаторов, Мозамбини держал эскадрилю в партизанской школе. Два года живет она в джунглях Анголы. Сорок мальчишек и девочек, дети погибших партизан, сидят за импровизированными партами, которые сколотил учитель Браганса, отличный стрелок. Сорок пар глаз неотрывно смотрят на «доску», которую из шкуры коровы сшил учитель Браганса, отличный портной. К классу обращена вымазанная сажей сторона доски, на которой куском извести пишет замечательные, гордые слова партизан Браганса, отличный учитель.

И, держа в руках карандаши с именами Саико и Ванцетти, записывая эти замечательные, гордые слова в тетрадки с эмблемой фабрики «Васкода Гама» и другое — дар пионеров и комсомольцев братского Советского Союза, англичанские пионеры в конце каждого урока хором повторяют всегда за учителем: Браганса, партизанский герой! «А вотрина з сорта!» [«Победа неизбежна!»].

Николай ФОМИЧЕВ,
Сергей ПЕТРУХИН (фото)

ПЕРВЫЙ ИЗ

СЫНОВАЛЬСКИ

Характером Василий пошел в деда Федора Ивановича. Может, потому, что с самого детства воспитывался у него. Отец рано умер, мать заболела. Федор Иванович последние десять лет возглавлял совхоз в селе Сувановка. Спокойный, всегда уравновешенный, говорить много не любил, но уж если скажет, слово ложилось прочно и тяжело. Таким вырос и Василий — спокойным, даже можно сказать, медлительным, неантословным. С детства привык утверждать свое как делом. Поэтому и в Первоуральском ремесленном училище считался первым учеником, а потом в волочинском цехе трубного завода — надежным рабочим.

В цехе его не считали сильным. Были ребята и покрепче. Да и сам Василий Колотов к своим физическим данным относился довольно скептически. Только мастер Николай Бурвашев, человек, влюбленный в тяжелую атлетику, глядя, как орудовал Василий у волочинского стана, сокрушено крутил головой:

— Не знаешь ты своей силы. Спит она у тебя. Василий ухмылялся: откуда у него сила! В роду богатырей не было, хотя мужики были крапиво, на руку тяжелые. Как ни старался заставить Василия в спортивный зал, ничего не получалось. Придет, поборется, переломает все и уйдет.

Так и считался бы Василий Колотов крепким рабочим парнем, если бы не ударили его по само-

любию. Как-то попал он на тренировку штангистов. Спокойно смотрел, как паренек выжимал штангу.

— Поднимешь? — спросил тренер.
— Можно, — не торопясь, ответил Василий. Оказалось, «не можно». Не поднял он штангу, которой так легко орудовал парнишка, на вид куда слабее его. На следующий день, после работы, он выжал... 50 килограммов, вызвав несходительные улыбки парней, свободно поднимавших штангу, весящую в два раза больше.

В ту ночь Василию Колотову спало плохо. Он не знал еще, что уже отправился путешествовать по бесплочному спортивному морю.

С большим спортом Василий познакомился в Туле на своем первом в жизни сборе. Он только что стал мастером спорта, и настроение у него было отличное. Испортил его какой-то лохматый парень. Выражение его открытого лица быстро менялось. То он сурово хмурил брови — значит, чем-то заинтересовался, то улыбался во весь рот.

Он посмотрел, как работает Василий, и спросил: — Ну как, рыжий, тынешь?

Колотов помидчал и, не торопясь, как говорят только уральцы, ответил:

— А ты, черный, видно, слабак, не тынешь... Черный пожимал плечами, он потребовал рыжего к барьеру, то бишь к штанге. Он сейчас покажет, кто слабак.

К штанге они не пошли. Черный признал разумным, что негоже ему, тяжеловесу, доказывать какому-то неизвестному средневесу, кто сильнее.

Колотов заметил, что и черный не такой уж известный.

— Я еще буду известным, — упрямо заявил черный. — Запомни: я Алексеев.

— А я Колотов...

Черный вскоре признал, что рыжий парень ничего, что у них в Архангельске таких ребят уважают, жить с ним можно. Получилось так, что они и действительно стали жить вместе — в одной комнате. После тех сборов и подружился два Василия, столь непохожие друг на друга.

Они и тренироваться стали у одного тренера — Александра Васильевича Чужина. Небольшого роста, худощавый, в очках, он, казалось, не мог иметь никакого отношения к штанге. Опытный тренер, великолепный психолог, Александр Васильевич всегда знает, что нужно в данный момент атлету. У Василия Колотова отношение к Чужину особое. Ведь если бы не Александр Васильевич, мир так бы и не узнал имени Василия Колотова...

В 1969 году группа советских штангистов была приглашена на открытое первенство Японии. Настроение у Василия было отменное. Только что выиграл чемпионат СССР и теперь в Японию ехал первым номером. А это не так-то просто. Ведь рядом с ним был Борис Селницкий — один из героев Мексиканской олимпиады. Предстояла борьба.

Борьба Василий не боялся. Этому он научился у Алексеева, который бросил вызов самому Жа-

Боткинскому. Перед чемпионатом страны Алексева подарил Жабитскому фотографию с надписью: «Будет время, мы поспорим и победимся с тобой!» Чужиню он написал еще более определенно: «Я буду первым! А сам Чужиня заявил, что услышавши, что именно его Вася-черный первым перешагнет 600-килограммовый рубеж в тробеуре.

После победы в Ростове Алексеева, подарив с победой Жабитскому, напомним, что через год вынется столько, сколько сейчас толкает чемпион, то есть 210 килограммов. А пока Алексеева отказался от всех соревнований, завяв друга в провинцию.

Посмотрим, рыжий, что я сделаю зимой. Многие скептически улыбаются, и только Колотов принял это заявление всерьез. Он был заигнорирован уверенностью Алексева, и сам довольно проникновенно уверял в себе. Васильев подумывая о 500 килограммах. Для среднестатусного фантастического. А что, если попробовать в Японию!

На Японию Василий Колотов приехал с массивной золотой медалью чемпиона и... повисшей на пояске руке. Травма была неплана и неожидана, как и все травмы. Выполнение было не самым лучшим. В итоге в 142 килограммах, с такой силой взвинул снаряд над головой, что штанга повела влево чуть назад. Василий удержал вес, но почувствовал явную реакцию. Но в итоге это произошло. Когда Колотов спустил штангу, рука повисла, как плеть.

А потом началось самое страшное. Четыре медали блещат с плечом Василия Колотова лучше всего. Ничего не полагалось. И тогда он написал письмо старшему тренеру сборной Алексею Медведеву и своему — Чужиню о том, что бросает штангу. Нелегко было на это решиться, но числиться в сборной, занимать чужое место Василию не озявало совсем.

Тренеры исполошили. Чужин угрозавал в письмах: «Не деляй этого, Вася. Ты шеня себе не знаешь. У тебя все яворон!» Ему порекомендовали думать в положительную сторону. Но не такие резкие движения, да мышечная ткань увеличится, а значит, окрепнет плечо. Но встал другой вопрос: на что он может надеяться? Ян Талтс ушел с тяжелой травмой, оставив Колотова против олимпийского чемпиона финна Каянгасми с его мировым рекордом в 530 килограммов. Он же, Василий, еще ни разу не набрал пятисот, да еще и с недостатком. Выбор рыжий надо попробовать.

Рос собственных вес, вместе с ним росла и сила. 1970 год он начал с того, что первичную через полторы, а потом и побил рекорд Алексева — 515 килограммов. Вперед оставалось только Каянгасми со своим фантастическим результатом.

Каков он, этот финн! Они встретились лицом к лицу в марте. Василий на разогрыше «Триза дружба». Карло оказался приятельным парнем, добродушная улыбка сразу располагала к себе. Но это только до помощи. Здесь финн преобразовался в ступенчатую волю и сильных, хорошо тренированных мышц.

В Минск Колотов пригнал, но зато на тепершний соперника, понимал, что может у него выиграть.

Именно в Минск случилось событие, навсегда вошедшее в историю мирового спорта. Василий Алексеев открыл «Губу 600». Что творилось в зале! Доже Колотов, обычно не проявляющий себя в борьбе, завяв друг друга.

— Ну да, Вася, молодец!
Особенно весом этот рекорд был тем, что родился не в семейном кругу, а на индивидуальном соревновании, в присутствии десятка иностранных атлетов. И все же результаты иностранных некоторые зарубежные специалисты не оценивают верно.

— Как бы отвечая им, объяснил:
— Приезжайте через месяц в Вильнюс. Не то увидите.

Нет, это было не базальство, а уверенность в себе, основанная на точном расчете. Колотов понимал своего друга, но сам чувствовал такую же уверенность и тоже заявил, что в Вильнюс на первенство страны пойдет мировой рекорд Каянгасми. Ему не повезло ни тогда!

И вот Василий Колотов превзошел рекорд финна, набрав в сумме 532,5 килограмма, да еще отобрав рекорд мира у американца Ф. Купера, толкнув первым среди популярнейших два года назад, все же думая. Действительно трудно было поверить, что это сделал вечерний среднестатусный, который только пять месяцев как перешел в полутяжелый вес. Человек, едва оправнявшийся от травмы, всего два месяца назад вошедший в число «лигитионов».

А Алексеев, завяв друга в свои медежки объята, восторженно кричал ему в ухо:
— Ну и да ты, рыжий!

Рекорд Василия Колотова потряс спортивный мир не меньше, чем рекорд Алексеева, который в Вильнюсе сдержал свое обещание и поднял 607,5 килограмма.

Но в спорте не бывает спокойной жизни. Колотов и Алексей к чемпионату Европ. На коротких сборах Василий шел вместе с Алексеевым. Тренировались до изнеможения. И вот тогда Вася-черный открыл в своем друге еще одну черту — не меньше, чем каждый вечер, отказывался от отдыха, от развлечения, Колотов штурфовал химию и физику. Поймав удивленный взгляд Алексеева, он, смутившись, сказал:
— Ты не знаешь, что такое техникум.

Алексеев сам был студентом лесотехнического института и знал, как нелегко достаются знания. И чтобы не мешать Василию, по вечерам уходил из комнаты.
И в венгерском городке Сомбатхее они жили вместе. Василий Колотов очень вознавола: ведь это его дебот на чемпионате Европы. И что же не выиграл, когда же брал? А то «перогорыши», и сила твоа не поможет», предостерегал Алексеев.

Василий до этого и не подозревал, что штангисты не выигрывают столько. Его брало с Каянгасми, теперь уже экс-рекордсменом мира, началось драматическое. Две первые попытки в нем с трудом издала для него веса в 170 килограммов двое суток на трех не засчитали. Алексеев, который тренировал Колотова плечо своими руками, ворчал:
— Если это не жима, тогда они или ничего не понимают, или нечестные мужики. Они же у тебя, рыжий, золото отнимают!

Оставался последняя, третья попытка. И вот тут Колотова стало страшно. Неужели провал!

Василий не слышал, как говорил ему Алексеев, но видел, как вымахивал. Перед его глазами было только штанга, мерцавшая холодным, металлическим блеском. Он стоял над ней, устремив в зал невнядный взгляд, стараясь сосредоточиться.

Штанга легла только на грудь. И сразу же привалила своей тяжестью. Хлопок звука. Жима обычно продолжалась три-четыре секунды, но Колотова вышло так, что выскочил прыжок, от которого слышались почти пошумевшие лампы, и мысль, быющая, как молот: «Держать!» Команды «опустить» он не слышал, увидел только жест судьи. И когда спустился штангу, сразу же враздалека, пятнадцать минут не мог поверить, что все же одолел этот злополучный вес, и без конца спрашивал:
— Вряд язял!

— Вряд язял, а у жид ужал, рыжий, что ты слабый, зря только мясо ел! — улыбаясь Алексеев. Обидно было, ведь на тренировках легко выжимал на десять килограммов больше, а тут... Вот что значит невра, который, как говорил, нет у невозмутимого Колотова.

А Каянгасми ушел на 7,5 килограмма вперед, к тому же он легче. Значит, надо отгрызаться не меньше, а больше. Это злополучное слово. Мыслились. И все же Василий сумел сократить разрыв, проиграв в сумме всего 2,5 килограмма. Вот где сказались две неудачные попытки в жиме. Отныне Каянгасми и Колотов шли почти наравне. Могучий финн старался побить мировой рекорд Колотова — 532,5, но осилить этот громадный вес не смог.

Тренеры, авешая серебряную медаль Василию на лавсан, сказали:
— Синтай, что она золотая...

За кулисами его разыскал Валдемар Башновский, чемпион мира и Олимпийских игр, человек, силе и мужеству которого можно только удивляться. После автобиографии каталожную, полярную жену и детей, этот польский атлет перенес операцию позвоночника и все же вернулся на помост.

Башновский рекорд пожел руку Василию, широко улыбаясь и с разла по-русски.
— У вас, Василий, фантастическая сила. Думаю, это серебро в вашей коллекции последнее.
— Это точно. Вася у нас, как настоящий уральский старатель, будет добывать только золото. И только в Вильнюсе. Колотов, словно и не предстоило ему самому увидеть затвора на помост.

На следующий день уже Колотов готовил Алексеева к рекорду. И рекорд состоялся — 612,5 килограмма.

— В Америке, Алексеев сказал:
— В Америке чтоб рекорды были. Я тоже постраюсь.

И вот Колумбус. Небольшой американский городок вдруг оказался в центре внимания любителей спорта всего мира. На арене выступил выдающийся помощник гимназии максидия Яна Талтс лишили звание чемпиола мира 1969 года.

Васильев жил в одной комнате с Талтсом и видел, как выполнял обычно спокойный эстонский богатырь, которого все в команде любовно называли на русский лад Яшей.

Не переживай, Яша. Золотая медаль у тебя. Все равно ты будешь на лавные протоколы плена. А на настоящий чемпион — покажи нам на помосте.

Талтс только кивал головой и если говорил, то только о Колотова и вместе с Алексеевым, столько же, сколько и Совету Талтс были особенно ценны тем, что он сам бывший полутяжеловес и тактику боя на помосте знал, как никто другой.

Перед выступлением Колотова его наследник в среднем весе, комсорг команды Геннадий Иванович выиграл золотые медали во всех движениях и установил невиданный рекорд в тробеуре — 305 килограммов. У Колотова тоже была мечта, только не выиграть.

Алексеев, как обычно, напустовав просто:
— Забирь все золото — вот и вся тактика. Пусть только наш гимн звучит. Не остань от комсорга.

Жизначали со 170. Нервники опасались, не повторится ли шутка, которую пытался сыграть штанга с Василием на чемпионате Европы. Нет, не повторился — он легко взял вес. И тут же огорчился. Другой наш атлет, Александр Кидяев, получив в жиме «барану».

— Давай тебе, рыжий, работай за двоих, — напустил брови, горил Алексеев.

И вот заучил Гимн Советского Союза в честь первой победы Василия Колотова. Он стоял в первом ряду, выжваканный из полурамы проектором, и подзорительно заблестившими глазами смотрел, как поднимается красный флаг с серпом и молотом. Потом этот ритуал был повторен еще три раза. Василий Колотов встал в рядке и толчке, а также в сумме тробеуре.

По правилам за каждый мировой рекорд также вручался золотая медаль. Врывке Василия покорил 612,5 килограмма, это было первое золото в истории. Каянгасми, а точнее сначала поднял два центнера, и когда уже был побит мировой рекорд в сумме (533), попросил добавить еще два с половиной килограмма.

Зал зашумел. Василий, аккуратно пригладив серые волосы, не торопясь поправить косы, с гербом СССР три и спокойно, как на прогулку, отправился штурмовать стальную громадину. Никто, даже Алексеев, не ожидал, что в этот рекорд рыжий плечо напомнил о себе. И все же он решился на последний толчок.

Когда рекорд уже был на вытянутых руках, Василий почувствовал таяную боль в плече, что помешало в глазах. Три раза проирчал один невиданный вес, прежде чем Василий бросил вниз штангу. И если бы его не подхватили друзья, Василий ужал бы. А за сто — честь, которой удостоивающегося неволею, он благодарно этот удивительный русский парня.

Уже в раздевалке Алексеев радостно бисрал:
— Теперь у тебя, рыжий, все золото мир!

На другой день Ян Талтс беспощадно распривялся с Бедарским, установив мировой рекорд в 565 килограммов. Это был первый мировой рекорд больше американца и еще раз доказал, что настоящим чемпионом мира является именно он, Ян Талтс Александр Чужин после его победы, вынул и не в комнату с писком вынул и ужал.

— Знаешь, Вася, что ты натворил! — сказал он, обращаясь к Колотова. — У тебя даже среди тяжеловесов в тробеуре второе место, следом за Талтсом. Ты обставил Бедарского в тробеуре, а в тробеуре ты Ян Чужин! —

Потом их примере последовал Василий Алексеев. Он буквально разгромил американца Джо Дьюбо, который на приеме в Белом доме вместе с Бедарским торжественно вручил президенту Никсону «походный русский коммуниста». Золотая заколка Никсона с его автографом, предназначенная для самого сильного человека планеты, досталась не Дьюбу, а русскому силачу Василию Алексееву.

Когда после окончания чемпионата чествовали наших богатырей, среди которых был и уральский слесарь Василий Колотов, вслед за Гимном Советского Союза раздалась молитва президенту Вячеславу Бородину. Длого еще по дороге из далекой Америки домой на Урал ему слышались величественные аккорды этой симфонии.

ДА ШИРА
ИЗ ПОТ
МУНИ
ДА ШИРА
ИЗ ПОТ
МУНИ

ТАНЕЦ

ТЭРПСИХОРА

БЫЛЫ И СКАЗКА БАЛЕТА

Среди прочих покровительниц искусства покровительница танца муза Терпсихора всегда принадлежала особое место. Танец, быть может, древнейшее из искусств, возникшее из ритмов и движений повседневной жизни человека, естественной и самой разнообразнейшей, включающей в себя разнообразнейшее количество занятий, связанных и с трудовыми процессами и с отдыхом; с событиями зрелищными и радостными.

Старинные фольклорные танцы передошли нам не в профессиональной принадлежности, а в изобретении своих танцев, у каждого свои; танец передавал особенности труда, быта людей определенных профессий.

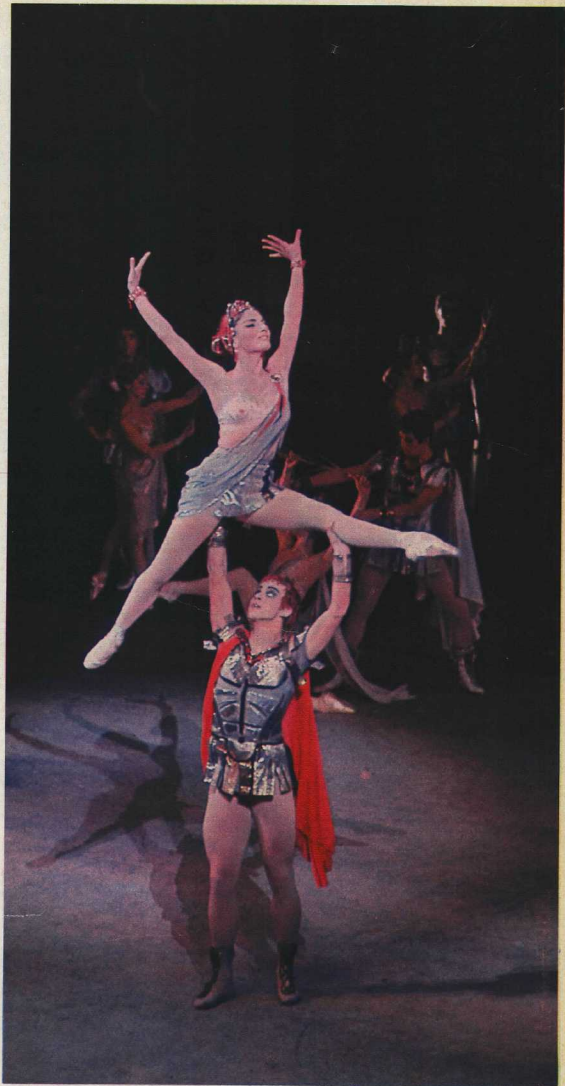
Танец брал начало из самой жизни. Вместе с тем только на самых ранних ступенях движения человеческого он являлся наивно копировать действительность. Даже в первичных формах танец являлся театрализованым отражением жизни, расширяя отношения человека к окружающему миру. Танец поклонялся богам, танцем провожали на войну воинов, показывая в нем свои силы, на манер сегодняшней эстрады, сменяя бурные сражения и обязательные победы, призывая тем самым к мужеству и героизму.

Народный танец — самая старая, первоначальная танцевальная форма.

Настенная ее театрализация, все более отбрасывая просто танец как выражение внешнего ряда чувств и эмоций от танца, признающего раскрывать характеры, сложные душевные движения, — такова в общих чертах эволюция театрализованного искусства, кульминацией которой стало рождение классического балета.

Терпсихора — покровительница всех видов танца. Но сегодня с именем этой музы мы все чаще связываем балет. Это и понятно, потому что классический балет — одна из величайших культурных и духовных ценностей человечества.

Классический танец возник в Италии, оформился во Франции, но полюбил свою родину особенно в России. Не будем повторять здесь известных слов о величии русской балетной школы. Попробуем проникнуть в ее мир.

Балет «Спартак». Оэниа — Светлана Адыржаева, Красс — Борис Акимов.

Сама атмосфера балетного спектакля важна, нежели спектакля драматического или любого другого «зрелищного» искусства. В чем секрет балета с его чудесами и вымыслом, с его волшебными привлеканиями и мало напоминающими реальность событиями?

Разумеется, не всякий балет сказочный. На балетной сцене можно встретить героев наших дней и героев истории. Но не случайно мы начали разговор с упоминания «чуждого», ибо большинство лучших спектаклей балетного театра относится к жанру сказки. Стоит ли называть? «Лебединое озеро» и «Щелкунчик», «Болушка» и «Рамадан», «Жар-птица» и «Каменный цветок». Балетной сказке служили Чайковский и Петипа, балетные сказки создавали Глазунов, Прокофьев, Стравинский.

Легко сделать вывод: балет — это сказка. А сказка она и есть сказка, в любое время, на любой возраст. Балет, как правило, — волшебная сказка, призывающая к добру, открывающая прекрасное. Но не будем торжестить о выводе, ибо, надо думать, не сказочностью только притягивает балет. Имя, вернее, попробем понять природу этой сказочности.

Вот одна из балетных сказок — «Жизель», самый старый из известных нам спектаклей. Всем известна хорошо знакомая от истории о девушке, обманутой неверным волшебником, погибшей от мести ставшей ведьмой — ночным призраком, несольной подругой других умерших до свадьбы невест. Всем хорошо знакома эта история, где Жизель — ведьма, пригвожденная к мщанию, нарушителя закон, спасая обманувшего ее юношу.

Вряд ли этот сюжет можно назвать сегодня оригинальным, и вряд ли кого-нибудь сегодня испугают мистические сны на кладбище. Но балет продолжает жить, и не просто по традиции, ибо необходимо сохранять наследие; нет, балет трогает, волнует, вызывает и радость и слезы.

А вот и другая сказка — о заколдованной принцессе, превращенной в лебедя, о юном принце, поклявшемся в верности, о нарушенной клятве и искушении предательства — ночью, в бурю, в сказке со слезами геника. На первый взгляд сюжет и события, способно заинтересовать разве что ребенка, если этот ребенок уже не приобрел и фантасмагического, современного толка. Но это сюжет бесмертного «Лебединого озера». Новая постановка балета, осуществленная недавно в Большом театре, поражает трагической глубиной, далекой от всякой наивной фантасии.

Мы рассказывали о двух сказках, верно, представляли их не отрывками так и не найдя: в чем притягательность этих балетов, выбранных не наугад, не случайно, — лучших балетов, из первой десятки, если подходить так уж составили.

Дело, очевидно, не в сюжете, точнее, не в фабуле. Дело, разумеется, и не в чудесах, ибо только очень наивный зритель может изумляться сегодня пролетающей над сценой

Жизелью или зрчными веселками молнией в «Лебедином озере». Начав с утверждения сказочности как органического свойства балета, мы в итоге пришли к ее отрицанию. Вместе с тем мы — искусство все же сказочное. Но сказочность эта не во внешних атрибутах: спектакль-феерия старого типа с их расчетом на чисто зрелищные эффекты — родоначальник современной сцены; сказочность не в наивных даже сюжетах, по характеру вполне вымышленных; сказочность в самой природе балетного искусства. В природе, которую определяют его язык, его выразительные формы. Язык балета — танец.

Современные хореографы самых различных творческих устремлений базируются на классическом танце. Конечно, современный танцевальный язык также балетак, как «Спартак», «Легенда о любви» и другие, но многом непохож на лексику «Спящей красавицы» или «Жизель». Подобно тому, как обогащаются литературный язык, хореография расширяет свой запас слов; в классический танец органично входят элементы спорта (гимнастика, акробатика), новые пластические интонации.

Современный хореографический язык не столь гармоничен, как в прошлом веке, во времена Петипа, пластика современных балетов более нервного, экспрессивного характера; заметно изменился рисунок хореографии, но линия близкий к традиция. Но что и в языке современного балетного языка все равно составляет классический танец. Его законы видоизменяются в соответствии с требованиями художественных звуков времени, но природа остается единой и любое время.

Условно можно считать, что классический танец как законченная система возник в эпоху романтизма. Именно тогда балерина впервые встала на пальцы. Новые темы потребовали новых форм. Земным, материальным чувствам, реальным, бытовым эмоциям балет противопоставил немощность, воздушность, грубой действительности — мир возвышенной и светлой мечты.

Вальсери встала на пунты. Танец приобрел возвышенный характер. О сказочных полетах в область мечты, мечты должен был повествовать романтизм. Балет не походил на механические чудеса, но пластика человеческого тела. Тогда возникла и «Жизель» — классический образец балетного романтизма. Шо время. Сменился ландшафт. В балете, но романтичная тема, столь тесно связанная с целой группой движений, продолжала существовать в хореографии.

В балете существует множество эффектных, красивых движений и поз, но, быть может, самым неизменно притягательным является движение из обширной классической лексики бы и остается прыжок.

Прыжок — это героические темы в балете. «Спартак» — гитангозия симфония, жесткий ритм, выразительных порыв к свободе, стремление к подвигам. Прыжок — это балетная лирика. Лиричнейшая современная балерина Наталья Исметрова обладает удивительным

(Балет «Вакhti»). Танцуют победители Первого Московского международного конкурса артистов балета Франческа Эмбо и Патрис Барг (Франция).

«Лебединое озеро».

ную тяжесть ее мук. Здесь знаешь, за что «страдаешь».

И люблю партию Одетты — Оддилья в «Лебедином озере». Мне нравится эта смена двух совершенно противоположных образов: ирреальной, призрачной Одетты и земной, «материальной» Оддилья.

И с удовольствием танцую партию не только «конкретно-образитам», как Мельсон-Балу. Одетта — Оддилья, но и русский танец в новом «Лебедином озере». Отсутствие в нем «конкретно-образитам» образа дает простор фантазии. В этом танце меня привлекает русская стать, русская широта, праздничное ощущение жизни. Мне кажется, эти черты вообще в природе русской танцевальной школы, русского балета.

**Главный режиссер
Театра Фрамы и Ковбиди,
заслуженный артист РСФСР
ЮРИЙ ЛЮБИМОВ:**

— Будучи актером драматического театра...

...я сталживался с балетными актерами и горчался, глядя на их мастерство, дилетантизмом своей профессии.

Балетным актерам известна каждодневная работа в ее самом непосредственном и конкретном смысле. Труд балетного актера не абстрактное понятие, а тяжелейшая физическая работа. Но только так можно достичь вершин профессионализма. Такого же отношения к своей профессии, к своему труду и требую от актеров драматических, которым в идеале столь же необходимы пластическая выразительность, ярость внешней формы, как и актерам балетным.

Балетный театр имеет свои амплитуды стандартов, четкие критерии профессионализма. Как в спорте, где существует только «да» или «нет», где не может быть места дилетантизму. В балете лишь безупречное владение техникой, сумма профессиональных данных позволяют актеру проникать в суть характера, образа. В балете нет и не было больших актеров, которые могли бы не владеть техникой. Ее отсутствие не прикрывать здесь ни великим обаянием, ни искусной режиссурой.

В этом плане актерам драматического театра есть что позавидовать из арсенала балетного актера.

Таким элементарным, к примеру, для балетного актера вещи, как обязательность «врамники» перед выходом на сцену, нелюбо было бы усвоить и людям моей профессии.

Балет — гармоничное искусство. Главное для меня в искусстве — гармония. Такими гармоничными танцовщиками я могу назвать Майю Плисецкую и Владимира Васильева.

Мне не очень интересны канонические балет. Современный значитель прежде всего созданием характеров. Это, по-моему, отличает «Спартак», где четко обрисованы два сильных, энергичных героя, конфликт между которыми составляет острую драматическую историю.

Режиссура этого спектакля — высшего современного уровня: тема вечного стремления человека к свободе получает яркое, конкретное воплощение.

Из современных хореографов я бы назвал Григоровича, Бельского, Воярчикова и американца Роббинса, автора «Вестсайдской истории», как наиболее интересных из тех, которых я знаю, художников балетного театра, ищущих интересные пластические формы, современные по характеру и художественному вкусу,

Короткие беседы, с которыми мы познакомились, не нуждаются в дополнении. Мир балета предстал в восприятии равных художников — профессионалов и людей, с вниманием и любовью относящихся к искусству хореографии.

Балет — это театр с сильными и мужественными коллианиями. Балет — это прекрасное, подобное музыке, живое искусство.

Балет привлекает интересными характерами, мастерами, владеющими высшими секретами профессионализма.

В балете находит поэтическое отражение жизнь со всеми своими радостями и страданиями.

Во всем этом смысле современное балета, его новый этап, художники которого ищут гармоничное сочетание правды и поэзии, лирики и драмы. Тогда балет — чудо, волшебство, сказка, открывающая мир в его прекрасном, обращении к красоте обрале.

Интервью подготовила
Людмила ТИХВИНСКАЯ.

Александром А. Яром, англичанином, служащим, но по внешности никак не напоминавшим ни одного из тех, кого он встречал в «Бомбоде» с Эдмондом Гомелем и его женой Ольгой, господином по имени «Пакбо» и «Лосис» — немцем журналистом Адольфом Гесслером, имеющим статус политического эмигранта. Не установлена была и связь с другими лицами — небольшим по составу кружком антифашистов.

Фирма «Гомома», занимавшая тихое и неукротимое помещение на седьмом этаже дома 113 по рю де Азани, быстро завоевала популярность у клиентов: карты, изготовленные господином Дорном, всегда отличались четкостью деталей и содержали максимум полезных сведений. Погоня за точностью вынуждала картографов высказывать множество гадет, журналов и официальных изданий из европейских стран, переписываться с другими картографами и собирать сведения любыми средствами, в частности, распределяя компетентных лиц, приезжающих в Швейцарию на отдых из-за рубежа.

В Центре, направляя Дорна в Женеву и ставя перед ним задачу вести стратегическую разведку фашистской Германии, зная, кого послать на данный рубеж: военный разведчик Генштаба РККА Феликс Дорн, он же «Виктор», обладал разнообразными и глубокими дарованиями. Прирожденный лингвист, отличный художник, широко и восторженно образованный, он был, когда надо, педантом, способным сутками сидеть над уточнением отдельной детали; и вместе с тем в общении с людьми он проявлял достаточно свободу взглядов и мягкость характера, несвойственные педантам по натуре. Наблюдательный и остроумный, он легко становился «душой общества», если хотел; но умел и молчать, слушая других, и не выдавать отношения к услышанному. Опыт и знания Дорна были выше того уровня, который отмерен для 40-летнего мужчины, сына ремесленника... Так впоследствии охарактеризовал шефа его бывший помощник по группе, и в этих словах не содержится преувеличения.

«Странным характером» отличались Юлия, жена Дорна, друг, на которого он полагался всегда и во всем. Нежной и женственной была Роза — радистка и шифровальщица; вместе со взъерошенной «Сисси», младокоролевой Лотши и расудительным Теушом они представляли несходный по компонентам сплав характеров и душ, связанных в единое целое антифашистским долгом и стремлением выстоять этот долг.

Все они в разное время и с разных концов Европы сжались в Швейцарию, преодолев при этом трудности, о которых никогда не рассказывала даже в самом узком кругу. Военные разведчики, они считали, что трудности для того и созданы, чтобы их преодолевать, и Дорну не приходилось слышать от них ни жалоб, ни сетований.

Первые радиogramмы, подписанные «Норд», Центр получал с началом второй мировой войны. До этого дня радию Дорна бездействовали, хотя досье, собранное им и хранящееся в котле «Гомома», содержало немало ценных сведений о вермахте и люфтваффе. Но и после того, как немцы вошли во Францию, связь с Центром поддерживала только одна установка — на ее ключе работала Роза. Центр считал, что швейцарцы должны беречь себя до той суровой поры, когда слово «крик» окажется перечеркнутым реальностью военной необходимости.

Это были самые скверные дни Дорна месяца. Обреченный на почти полное бездействие, он обвязал бы не только сдерживать себя, но и объяснять другим, почему приказ Центра подлежит безусловному исполнению. Сисси спорила с ним до хрипота. Центр знает, что немцы имеют в Женеве, Берне, Цюрихе и Люцерне десятки радиостанций; англичане посылают депеша в Лондон не только через посольство, но и прямо телеграфом, объясняя чиновникам, что это торговые балансы, зашифрованные коммерческими кодами! «А мы? Чего мы ждем?!»

- Приказ Центра — отвечает Дорн.
- Он явно запаздывает. Нам здесь виднее, как поступить!
- Радию Розы работает. Это достаточно.
- Одна... а у васистов их десятки! Сотни!
- Скорее провалитесь.
- Это не действует, Феликс!

Они расставались, не увидев друг друга. Самым сильным доводом против консервации радию Сисси считала сведения Дорна. Они казались отличными, и она настаивала, чтобы Центр получал их вне очереди. Дорн был внутренне согласен с ней в оценке данных, но при этом отказывался нарушить приказ.

— Это крупнейшая ошибка! — говорила Сисси, едва сдерживая негодование. — Это ваши милости они устаревают, черствеют, как хлебные корки...

— Возможно, но это меня беспокоит меньше, чем подозрение, что информация Пакбо — банальнейшая состриженная аберром «деза».

- До сих пор все подтверждалось.
- Вот именно, до сих пор.
- Ну, зрите же!

Сисси морщилась: об об глаза ее горели. Дорн, предостерегая стачку, торопился охладить страсти:

— А что мы знаем о нем?

И Сисси умоляла.

Действительно, что. Случайная встреча, обуревающая помпучу случайным знакомством, а потом, спустя два-три месяца, осторожный намек Пакбо, что он хотел бы установить контакт с теми, кто борется с Гитлером. Для того, чтобы развядать такие намеки, надо, очевидно, рассчитать, с кем иметь дело!

Откуда спрашивается, мог звать Пакбо, что у Дорна есть связь с Центром? Или он страляла наобум? Но так или иначе, Пакбо угодил в «яблоко», а информация, доставляемая им, похоже, поступает прямо из Берлина. На это он и сам прозрело намекая выбором словесами. «Пакбо» по начальным буквам означало: берлинские кондеярия Бормана. Ни больше, ни меньше!

Все это было достаточно подозрительно, и все-таки Дорн решил рискнуть. Роза сообщила о Пакбо Центру и получила ответ: приоткрыться и репайнте, не спешите толкать ни отталкивать Пакбо, ни дарить его доверием. В конце телеграммы Центр подтверждал запрещение использовать резервные радию для дня объявленной войны.

Прочитав ответ, Дорн прернула губу. Роза с беспокойством поспела на него. Спросила:

— Плохие новости, да?

Феликс ответил без улыбки:

— Как обычно, нормальные.

Встретившись с Пакбо, он попытался вернуться к разговору о Бормане. Пакбо вежливо выслушала его и, в свою очередь, спросила:

— Знают ли ваши о моих условиях?

— Что вы имеете в виду?

— Мой гонимор... Надеюсь, вас не шокирует, что я говорю о нем?

— Это улажено... сухо сказал Дорн.

— Спасибо, но учтите: меня не интересуют ни марки, ни доллары. Только швейцарские франки.

— Хорошо.

— Где мы будем встречаться?

Они договорились о месте встреч и паролх на случай, если Дорн не сможет прийти и придет кого-нибудь, и разошлись. Дня по скверу вдоль берега

озера и галдя на чак. Фелкс дома се говору над вопросом: кой от, этот Пакбо! Антифашист, имеющий связи с подпольем в Германии, или провокатор высокой квалификации? Ответа не было. Но его предстояло найти, и как можно скорее, ибо от него зависело не только будущее Дорна, но и дело, порученное ему. Решив, какой он не мог, не имея права рисковать зря ни в чем, делом, и потому вопрос «Кто?» присредств для него с течением дней все более острое значение.

Сначала хапозот у Дорна было немного. В Центре было сказано: не топиться, устроиться с квариатор и работой, пригатакаться к обстановке. Завтра паролы для Яра и супругов Гамелей он получил месьца через три; потом появились Роза, в курьер приехал для нее распашивание сына—два раза в неделю везе поезда 18.2 и 21.3 [ночью] и 48.4—52.3 и 78.6 [утром]. Время перекады: 7.05 и 23.15. В 21.19 и 23.40 паролы, как всегда, должны прийти в 21.19.

У Гамелей был металитич, лава раздор—свобод, сам Эммонд пересказо разбирался в схемах, а Ольга умела обращаться с ключом и делала это не хуже любитель-коротковолновой. Дорн устроил у них запасную радиоквартиру, и Центр одобрял этот шаг.

Швейцария готовилась к войне. Еще 29 августа 1939 года были отобманованы и приведены в готовность войска пограничного прикрытия. Президент Конфедерации Фридрих Эгер выступил по радио с коротким заявлением: граждан Конфедерации должны быть мобилизованы, должны прийти в медане, имеющие красную карточку, воинские билеты, должны прийти в места сбора. Населению предложено было «сохранить величайшее хладнокровие». Миллионная швейцарская армия делала уже, будто намерена всерьез соединиваться с союзническими войсками вермахта. Стужи стужи собрались в Берне, и в соответствии с требованиями Бернского союза, должен был вывал за то, чтобы полковник Анри Гизан стал генералом—вышшим военным руководителем страны.

Все это: мобилизация несуборных обывателей, чьи милитаристские выножки нечуждыми являются в альпийской стране, в которой, как известно, в последние годы, выборы генерала—походило бы на фарс, если бы не трагизм политической ситуации, например, утверждения, такие пыльные и торжачи!—о непригодности переключившихся на военную службу, как в Германии, и самодельными в мире» солдатом, если о боевых качествах этого солдата предлагалось судить по повернутым из истории примерам: ссылался то на одного, то на другого из французов, Алжовиков, державших в средние века при своих оковах «швейцарских отрядов».

«План Барбаросса» оказался для политиков Конфедерации даром небес. Он нес народом Советского Союза несмалыеяе тяготы войны—войны, дае даже шло о жизни и смерти почти другост миллионно людей; и он же сулил Швейцарии освобождение от вторжения в Бернскую область. В то время, когда сообщение бывшего полковника Массона о новых планах Гитлера. Так далеко страна варваров и азиатов, «государство безмилостивых бутварей и бородатых комиссаров»—единственная страна, не изменившая в демократическом самонастроении, в отношении к своим гражданам, в отношении к своим соседям, не покушаясь на его целостность, политический строй и свободу, отвела в тылу себя десятств сорочком году неминуемую и чудовищную беду от мирного отчуждения швейцарского гражданства.

Известие о «Барбароссе» Брита Тейлора Дорн получил от Тейлора—Кристинана Шнейдера, служащего Международного бюро труда. Шнейдер близко дружил с Сисси, работавшей в том же Бюро, считая падистом бешеными собаками и, пользуясь своими связями с немецкими политэмигрантами, добывая порой важные сведения. В числе его источников были старые деятели социал-демократии и среди них бывший министр земледельцев Гессен вице-мэрского правительства.

Сведения о «Барбароссе» были туманными, расплывчатыми, хотя и получили космическое подтверждение от Эриха Леммера—«Ангстес», представлявшего Раббенторфа в Швейцарии, с которым у Дорна была связь через Анну. Дорн поручил Сисси узнать, если удастся, хотя какие-нибудь подробности о бывшем рейхскадере Вирта, доживавшего свой век в качестве политэмигранта и сгруппировавшегося вокруг себя отставных германских политиков; Вирт и его группа вели переговоры с немцами в Берлине. Сисси сказала, что Вирт, хотя и пообещал, но вскоре с разочарованием сообщил, что эскрепикадлер в основном занимается проблемами формирования будущего правительства, в котором отводит себе главную роль; такие мелочи, как планы Гитлера, Вирт не считал своим делом.

Все-таки кое-что Сисси сумела выяснить у того же Тейлора, упорно отказывавшего отвечать на вопрос, откуда и каким образом он получает информацию. «Я даю слово»,—отрезал Тейлор и как вода в рот набрал. Дорн встретился с ним в кафе, повелительно велел ему сесть за обедом, стовиш чашу ан не трех-пяти минутной ходьбы, потребовав откровенности. Тейлор, ступаясь, молчал. Потом сказал:

— Не сердитесь, Виктор, это вышло мочк сия. Так уж устроено: даю так таранет и не нарушаю их. Возможно, позже я позвонамо как, если мой друг согласен. А пока возмолаете.

Дома Дорн открыл оставленный Тейлором стипичный коробок. На дне лежал бумажка: 31 июля 1940 года Гитлер на совещании с членами ОКБ¹ провозгласил слово «Барбаросса вслух...«Германия...» станет хозяином в Европе, которую выведет из-под этой чуждой месечной власти и уничтожит Россия. Дата нападения предусмотрена на весну 1941 года!»

Дезинформация или правда? Времени для колебаний не было. Дорн почти бездумно берет всю Женеву подпольно в Росс. В то вечер они воспользовались актрисами театром. У Росс заката и вступила от напряжения рука; в короткое переиди чаша выскалывалась из пальца. Центр отдал «квантитативный» и вышел из эфир.

В Берне трех барабанов и вой фанфар пошла на убий. Война, словно грозовая туча, обогнула Швейцарию стороной, не залезя во кровавым дождем, смену. Гитлер инспектировал чашу и мочу штурмующих. На чашу отворе стояли скауты в белых шортах и тетрах; генерал Гизан считал себя единственным стратегом в Швейцарии и не доверял автору своей жизни солдатам.

¹ План вероломного нападения на Советский Союз. Штаб оперативного руководства вооруженных сил Германии.

датам, сраги которых могли оказаться диверсантами вобое. Вообще этот шаг деревенского лекаря из Мешора албиа парамит и привлек внимание, как Вальтер Телль. Созванный совет продолжал переговоры, испытывая при этом некоторые затруднения. Англичане и немцы посулами и угрозами старались обеспечить себе приоритет в торговле с Конфедерацией и, в частности, в торговле с швейцарскими сырами. В отношении дипломатических демаршей Лондон и Берлин перешли к прямому нажиму. Великобритания блокировала поставки зерна и сельскохозяйственных продуктов, а третий рейх сосредоточил в районе Сент-Уаза 6 дивизий, из них 2 горнострелковые. В отделе средств передвижения свои интересы отстаивали: британские, французские, подлитые с помятых линий у границ, получавшие в горы, узкие отдаленные под железные стальные вырчки с золотом, валютой, акциями и драгоценными камнями. Приоритетство в пожарном порядке разработано и осуществлено проект интенсификации сельского производства: в августе суммо солдат призываемых в армию в полтора миллиона человек, в августе суммо солдат Конфедерации в Берлине и Лондоне подтащилим желание Швейцарии всемерно оберегать свой нейтралитет... Что же касается торговли, то было сказано: с кем угодно и в любых масштабах на основе свободной конкурентности и прибыли, а по отношению к Германии—от дипломатических «заверений» сырье продуктов, рассчитанных на 372 дня. После этих мер немцы Конфедерации в Берлине и Лондоне подтащилим желание Швейцарии всемерно оберегать свой нейтралитет... Что же касается торговли, то было сказано: с кем угодно и в любых масштабах на основе свободной конкурентности и прибыли, а по отношению к Германии—от дипломатических «заверений» сырье продуктов, рассчитанных на 372 дня. После этих мер немцы Конфедерации в Берлине и Лондоне подтащилим желание Швейцарии всемерно оберегать свой нейтралитет...

Месцадй шаг... Роза дважды в неделю связывалась с Тейлором, передавая коротенькие, в две-три строчки, телеграммы.

С некоторой горь Дорн оторвал внимание на статью некоего Р. А. Гермеса, изрядка появлявшаяся на страницах швейцарского телега. Этой «свае» свекла был загадочным образом освещено то, что и в самом деле представляло тайны—Гитлера, ОКБ и надштатской партии. Кто скрывался под этим псевдонимом? Во всяком случае, становилось ясно, что автор статей получал данные не только от Гитлера, но и от немцев, и от немцев: Гитлербелл. Любопытнее всего было то, что разведка бригадного полковника Массона, Бюро ХА, обычно не допускавшая публикации материалов, компрометирующих Гитлера и его окружение, пропускала статьи Гермеса без купюр: ни разу не сказалось ни слова изместо строк, ни абзацев появлялось «белое пятно». Не связан ли Гермес с ХА? Кто из штатных работников или добровольных сотрудников?

Дорн знал, что у Тейлора с согласия Центра есть знакомства среди представителей ХА. Нельзя ли через него найти ключ к Гермесу? Тейлор ответил: Да, знакомства Тейлора на эту тему, и, получив отказ Тейлора, никогда не избегавший самых ответственных и сложных поручений, на этот раз категорически отклонил все просьбы Фелкса разузнать что-нибудь о Гермесе.

В то время Фелкс оставил при себе. Его предосторож не подтвердился, или был опровергнут в самом ближайшем будущем. Торопить события не следовало. Да и как он мог бы их поторопить? Пуститься в поиски по Женеве? Переключать всех членов группы на сбора информации о третьем рейхе на территории оккупированной Франции?

Яра, Сисси и Лони привели печальные известия: Германия не собиралась соблюдать обязательства, вытекающие из пакта с СССР о ненападении. Неприятности, отдаленные в Авносе, открывшие считали шаг гитлером. Отказ Швейцарии от участия в войне и вальдотом, изгнанный демократизм которого мало, не вернувало в банк банкротству. Литература отказывалась принимать заказы, пока старые счета не будут оплачены сполна. Виктор несколько раз просил Центр прислать деньги с курьером, но Центр медляла, а издательство задымало в тельках дождя. Затурченна с деньгами была обусловлена не только неурядица Дорна, вест коммюнистическая АСА. И раньше, при отходе «бюмода», предусматривалась его убыточность, но в Центре считали, что разумный дефицит должен покрыть дотациями. Так и делалось, пока швейцарское правительство не запретило принимать платежи в свободной валюте. Отныне единственным платежным средством стала франция, а это как раз и не могли прислать! Центр предлагал Дорну другую валюту, советовала найти посредника для обмена... А время шло...

18 июня 1941 года Дорн был разубежден Тейлором. Милой красавицей, а лицом, поочинившим от бессонницы, Тейлор слова и изложил, но сипная мизантропия. Сметало солнце, по пальцы Тейлора сжимали ан рукушко белого чернотого зонта.

Говорил он тихо, словно через силу.

— Вы слыш... он нечетверть через четыре дня...

— Дорн, если вы слыш, все не постыла.

— Чтой?

— Война, Виктор, она не постыла.

Тейлор провозил пучок тонких листов.

— Вы слыш, это не справедливо, отпаче. Можете верить каждому слову из того, что прочтете, Клянуся, здесь все точно.

— Но что это?

— Частымяла Барбаросса.

Почта, спустя Дорн был у Розы.

О том, чтобы зашифровать в то же день сообщение в несколько страниц, не могло идти и речи. На это уже было около двенадцати часов. Дорн выбрался на клочке бумаги: «Директору, Через Тейлора. Нападение Гитлера на Россию немощно осведомлено на ближайшие дни». Роза достала книгу кода, превращая «клар» в шифрограмму.

Все—Сисси, Дорн, Сухачева, Гиза, это очень важно, вамнее и быть не должно! Передайте текст шифроматно на волне 19.8. Весь секрет! Понимаете: только этот текст, и ни знака больше!

От Росс—и к Гамелей. И здесь:

— Эммонд, подготовьте радио.

— А крика?

— Нет, и есть тот самый экстремный случай, когда приказав уже не жадит. Выждите на волну 21,3 и передайте телеграмму столько раз, сколько уможитесь в очию слыш!

— Только ет!

Да. Кроче того, добывать: «Решение Гитлера принято два дня тому назад. Дорн и Гизан инспектировали чашу и мочу штурмующих. Зашифруйте сами.

Обе партии—АП Росс и РА Гамелей—вышли в эфир в один и тот же время. Дорн торопливо глотал стипичный кофе, шифрова получившие от Тейлора листки. Юлиа курала сигарету за сигаретой, и глаза Фелкса смеялись от дма.

В 01.30 АП и РА начали передавать текст плана.
«...Но было уже поздно...»

«...Директору. Ведущие генерала в ОКВ рассуждают теперь на продолжительность войны порядка 30 месяцев. Приказ Гитлера о захвате Мурманска и выводе из него войск не выполняется на том, что Ленинград и Свехса будут заняты до 15 сентября. Оба эти пункта провалились. На конец сентября берлинская армия имела 400 дивизий всех родов, кроме того, 1.500.000 человек в организации Тома и 1.000.000 человек различных резервов ВВС, включая пилотов, наземные команды и ремонтные отряды... Во Франции в настоящее время находится 22 дивизии, большей частью ландштурм. Личный состав отстал, неукомплектован... имеются случаи дезертирства. В начале октября отряды, находившиеся в Бордо и к югу от него, были отняты от Восток».

— Игак, кто же их все-таки, этот Пакбо?

Дорн в упор посмотрел на Гитлера. Ответа не было.

— Где вы с ним встречались?

— Когда как. Иногда в «Векере», реже — на вокзале Корнвене.

— И вы не упоминаете об источниках?

— Да и о себе мало что знаю, Гитлер.

— Все-таки он чертовски хорошо осведомлен! Пономуно начинаешь верить, что сам Борман делится с ним секретами.

— Он часто бывает в Германии.

— В гости к Борману?

— И этого не сказала.

— Но подумаи. И еще вы подумаи: а не отправляется ли он прямо к вокзалу на Тирингербур? Не так ли, Сисси?

— Он не поехал на парижскую читальню новейших фактов и суждений.

— Сашком умно! Тонко! Образован!

— Пожalous!

— В абвере давно избывались от дураков... Ну что ж, до завтра, Сисси. И попутрете все же что-нибудь разузнать.

— Вы же тоньше разбираетесь в людях, чем Гитлер густыми ресницами. Упрямый подоролок. Сисси всем своим видом демонстрирует недоверие: сколько еще можно говорить о Пакбо! Пора решать: верить или не верить? «Доверять, но с оговоркой» — это не та формула, которой можно руководствоваться, работая за столом.

Дорн проводил ее взглядом и встал со скамейки. Голуби шаркались из-под ног, отлетая подалеже. Сквер был пуст, и Дорн не спеша, выбирая самые дальние дорожки, вышел на улицу. «Кто же вы такой, господин Пакбо».

Официально Отто Пюнтгер, «Пакбо», числится свободным журналистом, сотрудником бернских и жевекских изданий. Статьи его в газетах и журналах не отличаются глубиной и богатством фактуры. Обычные писания на злобу дня в Германской империи читательской новизны фактов и суждений не имеют. Гряд знакомые Пакбо немало немцев, и отнюдь не все они эмигранты. Сисси на днях видела его в обществе господина, хорошо известного своим близким отношениям с жевекскими нацистами.

Размышляя об этом, Дорн вышел к библиотеке и, свернув за угол, медленно возвращался к себе.

В контроле его ждал Тейлор. Мокрый, с волосами, прилипшими к уловому черепу, он был весь, ужалась, показывая крепкие зубы. Дорн, подвываясь его настроению, отнял, во, когда Тейлор ушел, невольными счетами, делая все, чтобы избежать его взгляда, и осел, с не изменяющими долями опуск, как уже бывало, струной натянутой нервы, напоминая о том, что за холодным октябрьем придет еще более холодный ноябрь.

Счета множались. Деньги у «теомана» не было. Если до этого Центр не платил, контур можно записать. И эти тогда, когда от Пакбо и Лисси известия идут, как с конейбери. Отличные данные, за которые надо платить по-настоящему и в срок. Если Пакбо и Лисси отдают, что останется Вирт, информация из Бюро труда, Леммер и старый шпильник разведчик: «Тру», сокращенный кое-кого на своем аэроплане в близлежащих сводениях Дорна. Теперь к ним прибавился «Алуна» — результат комбинации, от которой Фелкс не был в восторге.

Луэва — глава Тейлора. Его детине и гордость. Этим именем он загромождает швейцарскую разведку, Бюро ХА, обосновавшиеся на вилле Штут воле Люкена. Маска Тейлора найти там дополнительный источник показавшись поначалу Фелксу фантастической, он отверг ее, но Тейлор настаивал, приводя доказательства «за», и в итоге получил разрешение попробовать.

Знакомый Тейлора, кингит из ХА, о котором Центр был совершенно уверен, посещения Германия, в СССР не раз уже заводил разговор о России и делах на Восточном фронте, демонстрируя при этом хорошее знание предмета. Он словно бы рассудал вслух, взвешивая наизм сторон, и Тейлор старался подоткнуть его жалкие вестя Бюро — контрразведывательные отряды, исследования в пределах пораз заперта. Тейлор удивительные встречи, подосаждая, что кингит подставил БЮПО — контролируемым отделением полиции.

Тейлор яростно возражал.

— Он ничего не спрашивает. Только говорит!

— Но почему именно вы?

— Мы давно знакомы, и, кроме того, я никогда не переключал, что симпатизирую СССР.

— Хороня повади быть взятым на замечку БЮПО.

— Это штука была, вондек. Виткор! За четыре месяца полиция десять раз могла бы меня арестовать, будь вы правым...

Довод был основательный, и Дорн, взвесив все, неохотно дал согласие на дальнейшие встречи. Имя «Луэва» появилось в распоряжении Бернских отделений Фелкса, и откровенно говоря, у Фелкса не было случая раскатыться: данные Луэва полностью подтвердились при проверке. Ольга Гамель — «Мод» — передавала в Москву: «Директору от Луэва. Новое наступление... не является счастливым стратегического решения, а результатом успешного военного действия... наступление, связанного тем, что не достигнуты поставленные 22 июня цели. Вследствие сопротивления советских войск от плана 1 — «Урла», плана 2 — «Архалетские — Астрахань», плана 3 — «Кавказ» пришлось отказаться. На снабжение страдает чаще всего из-за этих изменений планов».

РА вторила рашию СССР.

«Директору через Луэву. К началу ноября на период зимы фронт немецкой армии предусматривает в линии Ростов — Смоленск — Вязьма — Ленинград...»

Месторасположение штаб-квартиры абвера.

Оба передатчика работали теперь едва ли не круглые сутки. Гамель додумался соединить радио с тасами, выходящими при входе в автук: они автоматически отключались в тот момент, когда Мод выходила в эфир. Дорн, бывав на рю Флорисен, поговаривал, глядя на циферблат с замершими стрелками — единственное украшение фасада дома номер 192 и нагадкое свидетельство о том, что третий этаж пустует.

Связь действовала бесперебойно. И только однажды возникли перебои, вызванные у Розы сотрясение, близкое к огнанию.

12 октября 1941 года Центр внезапно, на середине отлучки передатчи, замолчал на три часа. В тот же час и в ту же минуту охолола и радиа Гамель, слушавшая Москву. Эфир был нем. Напрасно Роза и Мод пытались поймать привычные сигналы морякиек. Тщетно меняли частоты, не веря в несчастье и надеясь... Тишина. И чудные, посторонние позывные, свидетельствующие о том, что молчание Центра вызвано не атмосферными помехами, а иными, более грозными причинами. Дорн, гограф, автор схем боевых действий в жевекских газетах, только что передал заказанную оперетку: фронт швейцарских войск напоминает тигриную лапу, котрой которой нависал над Москвой. В «Трибун де Лозанн» они сказали: русские эвакуируют...

Центр продолжал молчать. Сутки. Вторые. Третьи.

Фелкс навелся Гамель и Розу. Сказал:

— Никому из наших ни слова. И сама не терайте головы, связь будет.

Дорн до завтра просидел у Розы, а потом до полудня, как робетка. Пола крепким чаем. Он дал бы ей спиторного, но боялся, что Роза проснит связь, а Центр как раз тогда отключается наковен, и тогда окажется, что на ключе некому будет работать. Уходить, он оставил Розу за рашией...

Роза и Мод продолжали вызывать Центр, настойчиво повторяя короткий текст:

«Директору. Уже несколько дней мы не можем вас слушать. Как вы привыкли, наши перебои дожились до того, что продолжат передачу или ждать, пока будет восстановлена связь? Пропу отведем?»

И Центр отозвался! Слово и не было первыми, а на прежних частотах вызвала АП и РА и продолжила передачу радиомикроном с той пифрой, на которой прекратилась связь. Бгтер, муж Сисси, и Дорн, в тот вечер у Гамель, по телефону и только успев успев посылать трубку, как новость подтверждала Розу, и у Дорна не хватило мужества отругать ее за нарушение правла коммуникации. Не упрекнул он у Бгтера.

В один из сезонов Центр пытался четвергом, разрешившему как будто и фактически утверждения Москва сообщала, что в Женеву придет курьер, принесет деньги и инструкции. Организация доставки была возложена на товарища, а пунктуальности которого Центр, по его словам, был абсолютно уверен.

Итак, валюта свободнее и решив, что пришла пора вплотную заняться Пакбо и Лисси. В «пчотном экипже» он оставил записку для Тейлора с приглашением встретиться в ближайшее воскресенье. Тейлор пришел с опозданием и сразу выложил ворох новостей — о немцах, пересекшем недавно фронт, просбило Лисси передать с ним посылку, все испременику. Дорн дал ему возможность и в конце концов жестко спросил:

— Кто стонт за вашим «Лисси»?

— Но мы же улавливаем...

— Оставьте Тейлора. Он бы не мог рисковать валютой. Вам я доверяю, но вам придется сделать загадка, и не соображений, во имя которых я должен не только полагаться. Это не частное дело... и надо ли мне напоминать, в какой обстановке мы работаем?

— Вы требуете?

— Конечно.

Тейлор вычлривал на себе сложные зиганги концом зонта... Его Ару? — немец, эмигрант, живет в Швейцарии с 1933 года. Выдавец маленького издательства и совсем крошечного книжного магазина. На их откратке Тейлор дал 35 тысяч франков из собственных средств. По сути, все свои сбережения. В Германии у этого человека есть отличные связи: несколько генералов и чиновников, в том числе и старый приятель, работающий в абвере, — заместитель генерала Фельбегера.

«Друг в абвере?» — подумал Фелкс и спросил:

— Кто?

— Не совсем... Этот человек сотрудничает с ХА. Уже третий год.

— Работает?

— Нет. Он настоящий патриот и ненавидит Гитлера. Надцсты лишнего его всего родила семья, князь.

— А деньги?

— Издательство приносит один убыток.

— Сколько ему нужно?

— Сотрудничает с франком.

— Он полагает так, — сказал Дорн и встал.

Слон весс не мог колебаться бесконечно. На одну из них он положил свои соображения, а на другую — «план Берберсона», полученный от Лисси, и те десетки подобины, автором которых он считал себя. Но в итоге он оказался ложливый. И эти, впрочем, чаще переключались на все остальное.

Лисси, Пакбо и Алесс — герр Леммер из бернского отделения Бюро Рамбергера. Они на первый взгляд никак не годились в союзники, особенно Леммер, не скрывавший, что является членом НСААП. И все-таки каждый из них вносил вклад в дело с фланком. Полюше всего свои вложения на этот счет вносил Алесс, сказавший, что он готов помочь в войне против фюрера, но что с последним залом он прекратит свое сотрудничество.

Вместе с тем Дорн первично представлял себе опасность связи с Леммером как Лисси. Тейлор, бесспорно, находилась на этом этапе, но Лисси, ввиду своего возраста, не считаясь, раскрывшие эти отрывки могли принести их к «женевцам». Точно так же и Лисси, сотрудничавший с ХА британского полковника Массона, был, очевидно, опекаем БЮПО, набивший руку на слажке за политическими эмигрантами и умевший не подпадать на эту ловушку.

Оставалось утешаться французской пословицей «на войне как на войне» и пообзавиться, чтобы связь Тейлора с Лисси, Сисси с Пакбо и Лонта с Алесс не отныне перестала быть личной и соразмерностью на «пчотных вилках» Гитлерских оборонных и парадх, на вокзалах, в полудельном домок, куда можно незаметно положить доверие и откуда так же незаметно удасть их изъять. Кроме того, следовало предупредить их, что нейтральная Швейцария сегодня отнюдь не то место, где алки, ведущие войну с фланком, могут быть спокойны за безопасность. И за жизнь тоже.

Рисунок Андрея ПОЛЕВОГО

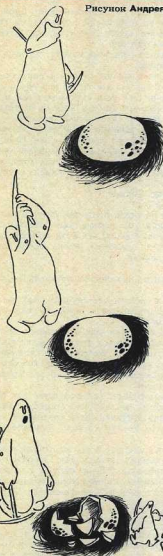

Рисунок Олега ТЕСЛЕРА

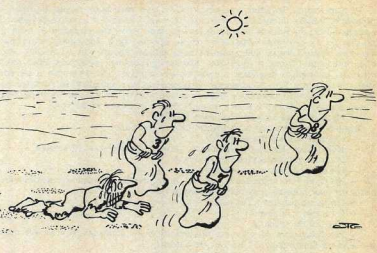
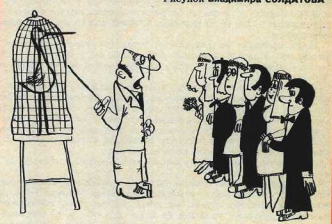

Рисунок Сергея ТЮНИНА

Рисунок Владимира СОЛДАТОВА

Под редакцией мастера Виктора ЛЮБИМЦИНСКОГО

НТО ХОЧЕТ ИГРАТЬ ЗАОЧНО?

Как известно, в конце минувшего года стартовала первая группа заочных шахматных турниров читателей «Смены», что предвещает начало этой осени. Напомним, что средняя продолжительность такого заочного турнира — 15—18 месяцев. К участию допускаются в письмах или на почтовых отправлениях, предлагаемые начать этой осенью. Напомним, что средняя продолжительность такого заочного турнира — 15—18 месяцев. К участию допускаются все желающие — от начинающих шахматистов до кандидатов в мастера.

Все заинтересованные в участии от их спортивного разряда будут разбиты на односторонние турнирные группы в зависимости от 8—12 спортивного разряда с другой итрется одновременно по две партии). Каждый из играющих может получить первичный разряд по шахматам, повысить уже имеющийся или подтвердить его. Читатели, решившие участвовать в заочном турнире, должны сообщить нам об этом до 31 августа сего года. В письме не забудьте коротко рассказать о себе: где работает или учитесь, сколько вам лет, каков ваш точный домашний адрес. Наличие того или иного спортивного разряда обязательно нужно подтвердить выпиской из вашего специализированного бюллетя, заверенной печатью и подписью руководителя местного спортивного клуба.

ПЕРВЫЕ МОЛОДЕЖНИКИ

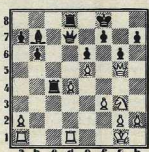
Большой интерес любителей спорта вызвал впервые проведенный в этом году в Вильямо чемпионат СССР по шахматам среди молодых мастеров. Напряженная борьба между талантливыми шахматистами в возрасте от 18 до 25 лет показала, что наши прославленные ассы-гроссмейстеры растут достаточно смена.

Первым чемпионом страны стал армянец из Баку Шахназар Кулумбашян, который сразу стал армянцем на Баку Шахназар Кулумбашян в Сочи всесоюзном турнире «мастеров-гроссмейстеров» завоевал приз ЦК ВЛКСМ. Золотой призер, самобытная манера игры Геннадия срочия комбинаторского стиля Михаила Тали и весьма миниатюрный шахматист, кто ценит динамику шахмат.

Перед вами позиция, которая содалась в партии Кулумбашяна с одеситом Львом Альбугозом, полуфиналистом Кубка СССР, после 26-го хода черных. Шахов играли белыми. Эффектной жертвой слона он перекрывает пешечный и развернул опасную атаку. В обходном цитируйте (партиями испытывали острый недостаток времени на обдумывание) на 35-м ходу противники допустили неточности, и позиция партии от этого выиграла не попустила.

Вот как закончилась схватка: 27.Лс2 — f2 с3 :b2 28. Сс1:h1 Сg7:h6 29.Фс2 — с3 + е7 — е5 30. d5:e6 + (вспомните правило о взятии пешки «на пешке») Сb8 — g7 31. Фс3 — f3 b2 + 32. Лh1:d1 Лс2:f2 + 33. Крs2:f2 Фb5 — с5 + 34. Крf2 — g2 Лb2:b1 35. Крf4 — f7 Кf8 — f7 36. Фb5 — е7 Лb1 — b2 + 37. Крs2 — b3 Кf7 — g5 + 38. Крb3 — g4 Крs5 — с8 39. Фb3 — а8 +, и черные сдались.

Высокоотличную, инновационную игру продемонстрировал второй призер молодёжного первенства преподаватель института физкультуры москвич Юрий Раузиан. Хорошим примером его шахматного творчества может служить партия против мичуринца Виктора Купричина. На диаграмме вы видите положение фигур после 22-го хода черных. По-

зия их короля защищена явно недостаточно.

Было сказано в центре, связанным с жертвой пешки. Крв1, играющий белыми, поднимает и атаку своего короля. Поляга Черные отступились матовому в слонах их.

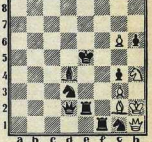
Было сказано: 22. d4 — d5! e6:d5 24. Крs3 — е4 Лс4 — е5 f3:g4 d5 — d4 Лс4 — f1 Крb9 — g7 27. Лf1 — f6 Лd8 — е8 28. Лf1 — f1 d4 — d3 29. е5 — е6! f7:e6 30. Фb5 — f4, и черные вынуждены были пойти на капитуляцию.

ЗАДАЧА-ПАМФЛЕТ

В прошлом столетии среди шахматистов пользовались изобретательные, или, как их еще называют, «сказочные» (произносе-

от двух греческих слов: «сказ» — шахматы и «граф» — пишу), задачи. Одним из авторов таких оригинальных композиций был знаменитый русский шахматный мастер Илья Шумов. Его шахматно-графические задачи были своеобразными отличиями на вышине события общественной жизни, а некоторые композиции дожили до уровня политического памфлета.

Предлагаем читателям «Смены» найти решение одного из таких произведений И. Шумова. Оно относится к периоду, когда Англия вела в Африке колониальные войны, но отнюдь не перепило актуальности в и наши дни. Задача, что своей шахматной композиции автор предсказал стихотворное послание.

Черные начинают и дают мат в три хода.

НАШ АДРЕС: Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14. ТЕЛЕФОН ДЛЯ СПРАВОК: 253-30-87

Славо в набор 9/III и 1/IV 1971 г. А 0867, Подписано и вч. 5/IV 1971 г. Формат бум. 70x108/16. Усл. п. л. 5,6. Тираж 1 000 000 экз. Изд. № 764. Завад № 761. Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции лауреата газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ГСП, ул. «Правды», 24.

МИР ЮРИЯ ТАРАСОВА

ПОСЛЕДНИЙ ВЗГЛЯД.

«Сначала он поехал на север и увидел, что мир суров и отчетлив. Ибо свет краток, но ошутлив, краски скуплы, но законченны, движения мимолетны, но весомы.

Потом он поехал на юг и увидел, что мир широк и неуловим. Ибо знойное солнце растопило краски, размыло очертания фигур и лиц, оно одно оставалось главным

и сущим, оно было в наизоме и было само по себе.

И тогда он оглянулся окрест. А окрест Батай Валдай и Сузаль. Ближе — Сестра и Дубна. Еще ближе — Патриаршие пруды. И совсем рядом — странная коммуна, где этюдник стоил за детской кроваткой. Быть может, это была мастерская, где раздольно играть ребенку; быть может, это была детская, где раздольно писать, пока ребенок спит...»

Вот так можно было бы рассказать о Юрии Тарасове, и в этом не было бы неправды. Но и правды немного.

Если в биографии художника было идилическое, полное поступательности, началось успешная работа в театре в качестве художника-постановщика, удач, казавшихся закономерными, инвентарный уход из театра в станковую живопись, назвавшийся незакономерным, — то об этом нельзя не сказать, даже если не можешь найти объяснения такому повороту судьбы.

А судьба художника Юрия Тарасова складывалась прозаично. В ней хватало работы и сомнений тоже

ДВЕ БАНЬКИ.

ЛЕНА И ЛЕНЯ.

хватало. И все было буднично: переезды, этюды, опять переезды, спит этюдник, Тарасов упряма и методичен. Быть может, он не доверит первому впечатлению? Но что такое первое впечатление, если задача художника — исследовать мир... Тарасов вглядывается в предмет с разных сторон, как будто обращаясь к стене створки шкафа, помогает ему написать этот шкаф точнее: обычно немногословный и неразговорчивый, он долго расстраивает людей, которых собирается писать, об их жизни и о том, что они думают о жизни, как будто знание того, о чем они думают, помогает увидеть их лица иными...

Но это не «как будто», а именно так. И рыбак Севера столь вычужденны и определены оттого, что художник прожил с ними бои о бою не один день и работал с ними, и они открылись ему, как он открылся им; и неуловимо смутные, танцевальные мастера Востока, узнавшие близко, но оставшиеся загадочными; и Патриаршие пруды, тысячу раз виденные из окна и всегда разные.

Больше всего он любит писать людей, которых хорошо знает. И то, что любит Сузаль, Валдай, Усть-Стрелку — маленькую деревушку на слянках Дубны и Сестры. Эта любовь надого, наверное, навсегда. В ней нет умиротворенной элэгичности, она тревожна и наступательна, ибо это мир художника, и он прерасен.

Мадлена КАТАЕВА

ЛЕВИТАН.

СТЕПАН, ЕЛЬКА И ДЕНЯ.

